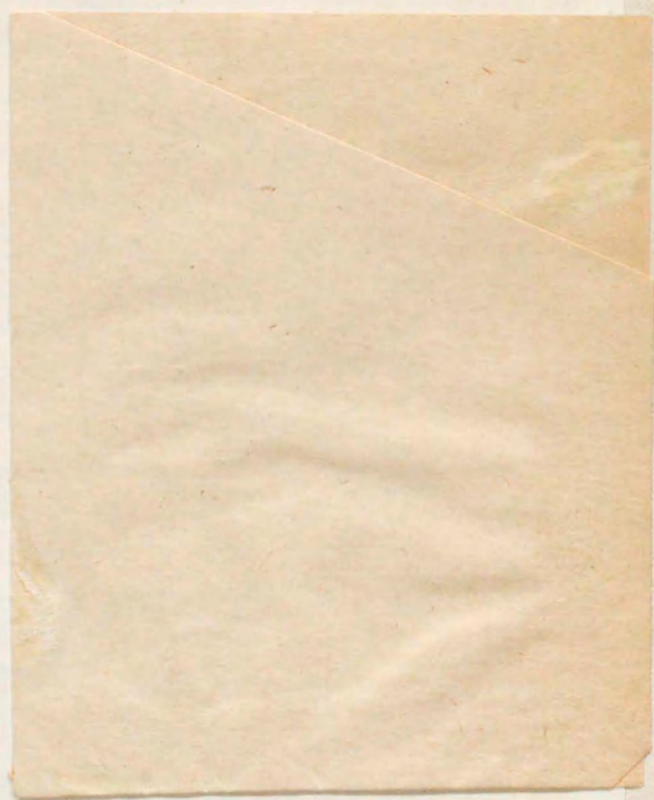

E $\frac{71}{203}$

271.
203.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО

МИХАИЛА ВЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

ДРАМА

ВЪ ШЕСТИ КАРТИНАХЪ, СТИХАХЪ

Ростислава Ступишина.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВУЛЬФА, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, № 60.

1870.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО

МИХАИЛА ВЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

ДРАМА

ВЪ ШЕСТИ КАРТИНАХЪ, СЪГЛАХЪ

Ростислава Ступишина.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВУЛЬФА, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, № 60.

1870.

ИЗДАНИЕ НА ДАРСТВО

МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА РОМАНОВА

ДРАМА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Августа 1870 г.

Ростовская Ступица

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ГИМНАЗИИ ИМУЩАГО КЛАССА ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА

1870

2010514776

КНИГА ИМЕЕТ

печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№№	№№№ списка и подложный	
						5	461	5

33

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михаилъ Ѳедоровичъ (16 лѣтъ).
Марѣя Ивановна (мать его).
Романовъ, Иванъ Никитичъ (дядя его).
Мстиславскій, Ѳедоръ Михайловичъ.
Воротынскій, Иванъ Михайловичъ.
Вахтеяровъ-Ростовскій.
Пожарскій, Дмитрій Михайловичъ
Трубецкой, Дмитрій Тимоѳеевичъ.
Бутурлианъ, Иванъ Матвѣевичъ.
Мяининъ-Сухорукій, Козьма Захарычъ.
Шереметевъ, Петръ Никитичъ
Петръ Андреевичъ (галичскій дворянинъ).
Усовъ, Иванъ.
Бутурлина, Матрена Степановна (жена Ивана Матвѣевича Бутурлина).
Люба (ихъ дочь).
Марѣя (ихъ служанка).
Сторожъ.
Старуха.
Марина Мнишекъ.
Заруцкій.
Шведскій посолъ.
Стольникъ.
Сабининъ съ женой.
Казачій атаманъ.
Польскій посолъ.
1-й выборный отъ земства
2-й выборный отъ земства.
Вояре, войско, казаки, послы и народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, а отчасти и въ Костромѣ въ 1613 году.

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО

МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Площадь. По обѣимъ сторонамъ тянутся дома большею частью или обгорѣлые или совершенно разрушенные. Вдали виднѣнь мостъ черезъ рѣку Неглинную, а еще дальѣе Кремль. Троицкія ворота затворены. На стѣнѣ видны вооруженные воины.

Явленіе I.

НАРОДЪ (Одни сидятъ на обгорѣлыхъ бревнахъ, другіе лежатъ на землѣ, а остальные стоятъ около разговаривающихъ).

1-й ИЗЪ НАРОДА.

Въ народѣ баюгъ, что пословъ прислали Поляки изъ Кремля. Зачѣмъ—не знаю.

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ? Загадку разрѣшить не трудно ..
Со всѣхъ сторонъ въ Кремль ихъ осадили
И ужъ теперь оттолкъ имъ не выдти.
Сѣстныхъ припасовъ также подвезти
Ни какъ нельзя; такъ поневоля имъ
Одно лишь остается — сдаться.

3-й ИЗЪ НАРОДА.

Ну, я не выпустилъ бы ихъ ни какъ;
Пускай всѣ съ голоду околеваятъ.

2-й ИЗЪ НАРОДА.

А ты забылъ, что не одни поляки
Въ Кремль сидятъ; тамъ нашихъ также много.

3-й ИЗЪ НАРОДА.

Да что жалѣть ихъ; вѣдь они не лучше
Еретиковъ поганныхъ, можетъ хуже!
Ну, тѣ хоть за себя стоять — и правы.
А эти что? — измѣнники, іуды!
Крестъ каждому готовы цаловать...
Вы вспомните Бориса Годунова!
Онъ сколько душъ несчастныхъ загубилъ,
Лишь только сдѣлаться-бъ царемъ Московскимъ.
Сперва Димитрія велѣлъ зарѣзать,
Потомъ Феодора и дочь его
Извелъ онъ также. Такъ въ народѣ баюють.
А что бояре наши? — ничего!
Крестъ цаловали и царемъ признали.
Потомъ крестъ точно также цаловали
Обманщику Отрепьеву Григорью,
За нимъ Василью Шуйскому, за нимъ
Жиду и вору въ Тушинѣ, за нимъ

Царевичу Литвы и Польши... Фу!
Язык усталъ перечислять измѣны
И скверности всѣ ихъ. Еще бояре!
Вотъ таковыя и теперь сидятъ
Тамъ за стѣной съ поляками въ Кремль:
Иванъ Михайлычъ Воротынской, князь
Мстиславскій съ братьею своею... Всѣхъ
Не перебрать ихъ, хоть считай весь день.

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Но ты ужъ больно злобствуешь на нихъ:
Не всѣ, пойдѣ, такіе, какъ ты баешь.
Есть тамъ и истинные христіане
И матушку Россію можетъ любить,
А такъ, попали въ Кремль—ну, и сидятъ.
Поляки, чай, не выпускаютъ оттолкъ.

КУПЕЦЪ

Охъ много горя натерпѣлись мы!
А сколько крови, крови пролито!
Одинъ Господь лишь только это знаетъ...
Онъ за грѣхи насъ это наказуетъ;
За нашу кривду и безвѣрье наше...
Смотрите, что подѣлали злодѣи
Изъ нашей бѣлокаменной Москвы!
Сожгли ее всю, церкви раззорили
И надругались даже надъ свѣтыней!
Съ иконъ содрали ризы золотыя,
Церковную всю утварь разокрали,
А самыя иконы изрубили,
Иль въ нихъ стрѣляли, что равно въ мишень.
А про народъ ужъ нечего и баять,
Его на половину, чай не стало.
Одни отъ вражескихъ ножей погибли,

Другіе отъ своихъ лишились жизни,
Иные жъ съ голоду, какъ псы какіе,
Въ лѣсахъ и на дорогахъ помирали...
А казаки, что дѣлали?—Страхъ вспомнить!
Ремни вырѣзывали на спинахъ,
Глаза желѣзомъ раскаленнымъ жгли,
И послѣ ужъ, натѣшившия вдоволь,
Несчастныхъ жертвъ закалывали тутъ же.

БОЯРСКІЙ СЫНЪ.

А кто причиною начала зла?
Никто иной, какъ Годуновъ Борисъ.
Онъ царскій родъ извелъ весь и возсѣлъ
На окровавленный престолъ. Ему
Никто не могъ ужъ быть помѣхой;
Наслѣдника законнаго не стало.
Онъ мыслилъ родъ свой возвести на тронъ
И укрѣпить его на немъ на вѣки.
Вотъ зло откуда! Вотъ его начало!
А мы злодѣю цаловали крестъ
И въ вѣрности своей ему клялись.
Такъ послѣ этого Господь Создатель
Отъ насъ совсѣмъ конечно отступился.
Возсталъ сынъ на отца, отецъ на сына
И братъ на брата... Полилася кровь!
И мы въ рукахъ поляковъ очутились...
Москва всему началомъ, а потомъ
И Русь всю этимъ ядомъ заразило.
Она теперь на что похожа стала?
На трупъ ужасный, издающій смрадъ,
Котораго вѣка не изцѣлятъ.
Я думаю во времена Батя
Такого ужаса не испытали,
Какого, братцы, испытали мы...
О Господи услышь моленье наше!

Прости намъ наши тяжки прегрѣшенья,
Прости Свою могучую Десницу
И Русь спаси отъ гибели конечной!

3-й ИЗЪ НАРОДА.

Да, братцы, видно много мы грѣшны,
Коль насъ Господь такъ страшно наказуетъ!
Людей отъ насъ Онъ лучшихъ даже отнялъ.
Гдѣ Скопинъ—Шуйскій? Липуновъ Прокопій?
И наконецъ гдѣ Гермогенъ Святитель?
Всѣхъ нѣтъ давно! всѣхъ ихъ лишились мы!
Несчастный патриархъ былъ уморенъ
Поляками въ тюрьмѣ за то, что онъ
Стоялъ за вѣру прадѣдовъ своихъ.
Онъ не далъ имъ ее на поруганье,
А также не призналъ и Владислава
Царемъ Московскимъ.

БУПЕЦЪ.

Да, великъ былъ духомъ!
Такихъ людей вѣка родятъ лишь только.
Онъ подвергался смерти сколько разъ,
И никогда предъ нею не блѣднѣлъ.
Припомните хоть вора Салтыкова,
Когда онъ ножъ надъ нимъ нанесъ за то,
Что не хотѣлъ тотъ грамоты скрѣпить,
Въ которой Владислава призывали
На тронъ Московскій; еслибъ даже онъ
Не вздумалъ въ нашу вѣру перейти.
Что Гермогенъ въ моментъ тотъ сдѣлалъ:
Онъ крестнымъ знаменіемъ осѣнилъ
Злодѣя, а за тѣмъ ужъ громко молвилъ:
Да будетъ это знаменье оградой
Противу окаяннаго ножа,

А ты будь проклять нынѣ и до вѣка!...
Лишь только это онъ успѣлъ сказать,
Какъ Салтыковъ весь поблѣднѣлъ, затрясся,
Ножъ выронилъ изъ подмыхъ рукъ своихъ
И какъ бѣснуемый бѣжалъ изъ кельи.

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Господь не допустилъ свершить убійства...
Онъ нуженъ для Россіи былъ тогда.

ВОЯРСКІЙ СЫНЪ.

Да, если-бы не Гермогенъ Святитель
Пожалуй были-бъ мы, какъ разъ, теперь
Подъ властью Польши, и при томъ кто знаетъ,
Не пошатнулась ли бы церковь наша.
Онъ спасъ ее! Онъ спасъ Россію всю!
Никто не смѣлъ возстать противу Польши
И власти Сигизмунда короля.
Ему всѣ безусловно покорились
И молча ждали участи своей.
Одинъ лишь Гермогенъ рѣшимся явно
Заговорить противъ врага
И слово сильное его, какъ громъ,
Всю Русь мгновенно пробудило.
Все встрепѣнулось, все возстало въ разъ,
Слилось въ одно и грянуло единодушно
Въ Москву на супостата. И теперь,
Богъ дастъ, Россія будетъ спасена...

Явленіе II.

Тѣ же и еще нѣсколько челоувѣкъ (входятъ поспѣшно).

1-й ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ.

Здорово братцы! Мы вамъ принесли

Такую вѣсточку, что, я клянусь,
Ее не ждали вы ни какъ.

ГОЛОСА.

Что, что такое! говори скорѣе!

1-й ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ

Поляковъ въ пухъ, какъ есть, разбили наши
И прогнали на Воробьевы горы.
А изъ Кремля сейчасъ пословъ прислали;
Хотятъ сдаваться и одно лишь молютъ,
Чтобъ пощадили жизнь ихъ. Пожарскій
Далъ слово въ этомъ имъ, и вотъ они
Здѣсь Троицкія отопруть ворота.

1-й ИЗЪ НАРОДА.

Ну, молодець Пожарскій! Это онъ
Навѣрно прогналъ полячишекъ!

1-й ИЗЪ ВНОВЬ ПРИШЕДШИХЪ.

Нѣтъ,

Онъ раньше ихъ разбилъ, а это Мининъ
Совсѣмъ ужъ доконалъ и прогналъ въ горы.
Да впрочемъ, честь и слава имъ обимъ
Равна должна быть. Вѣдь никто иные
Винovníки, какъ ополченя,
А также и спасенія Россіи—
Какъ только Мининъ и Пожарскій князь.

ГОЛОСА.

Да, да! Нижегородцы молодцы!

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Ихъ Богъ благословилъ на то, ребята!
Не чудо-ль въ самомъ дѣлѣ, что простой
дѣл

Мужикъ, торгашъ, мясникъ Нижегородскій—
Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукій—
Вдругъ поднялъ всю Россію за собой
И родину отъ ига Польши спасъ!

1-й ИЗЪ НАРОДА.

Я слышалъ, что видѣніе явилось
Ему предъ тѣмъ во снѣ. Угодникъ Сергій
Велѣлъ ему уснувшихъ пробудить
И на спасеніе Москвы
Сюда вести.

Явленіе III.

Тѣ же и Пожарскій, Мининъ, князь Трубецкой, Бутур-
линъ, Петръ Андреевичъ, Иванъ Усовъ, польскій по-
соль, войско и народъ.

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Вонъ Мининъ и Пожарскій!

1-й ИЗЪ НАРОДА.

Который Мининъ?

2-й ИЗЪ НАРОДА.

Тотъ, который ближе,

А около него Пожарскій князь.

1-й ИЗЪ НАРОДА.

А молодцы!

ПОЖАРСКІЙ (польскому послу).

Даю тебѣ я слово,
Что васъ никто не тронетъ. Выходите

Сейчас же изъ Кремля.

ПОЛЬСКІЙ ПОСОЛЪ.

Благодарю
Тебя вельможный панъ. Мы вѣримъ,
Что свято сдержишь слово ты свое.
Мы вамъ враги, зла сдѣлали не мало,
Но ежели сдаемся добровольно
Насъ нужно пощадить

ПОЖАРСКІЙ.

Иди-жь скорѣе!

Но прежде нашихъ выпустите русскихъ,
Потомъ уже и сами выходите.

(Посолъ уходитъ. Пожарскій тихо разговариваетъ съ окружающими).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (Усову).

Вообразить не можешь ты, дружище,
Съ какимъ я страхомъ въ сердцѣ ожидаю,
Какъ отопрутъ ворота.

УСОВЪ.

Полно, Петя,
Стращать себя. Твоя красотка Люба
Быть можетъ здоровехонька совсѣмъ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Дай Богъ! но ты прекрасно знаешь
Какой народецъ эти поляки.
Они безбожники! Для нихъ ничто
Честь женщины. А за нее, голубку,
Тамъ нѣкому и заступиться было.

Она осталась съ матерью въ Кремль
Въ двоємъ.—Отецъ ее, его ты знаешь,
Иванъ Матвѣичъ Бутурлинъ —
Тогда стоялъ въ Яузскихъ воротахъ
И гналъ поляковъ въ Кремль, куда тѣ и вошли.
Такъ, согласись, невольно страхъ беретъ
За честь ее, за жизнь ее... Любашу
Я знаю, другъ мой, хорошо! Она
Не въ силахъ будетъ перенести позора;
Сама наложить руку на себя.

УСОВЪ.

Да полно-жъ, говорятъ тебѣ, заранѣи
Къ чему себя тревожить мыслью черной?
Ты лучше вотъ мнѣ что скажи, Петруша:
Сойтись успѣлъ ли ты съ ея отцомъ?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Нѣтъ, съ нимъ сойтись трудно, онъ гордецъ
Такой, какихъ и свѣтъ не создавалъ.
Ужъ сколько свахъ къ нему я засылалъ,
Но все одинъ отвѣтъ—отказъ прямой.
Послѣднюю же сваху онъ велѣлъ
Избить и вытолкать за ворота.

УСОВЪ.

Да что-жъ какого, еще нужно зятя,
Когда не ладенъ ты?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да видишь что,
Я не богатъ и родъ не знатенъ мой,
Такъ вотъ ему и срамно породниться

Со мной... А какъ ее люблю я Ваня!
Готовъ, кажись, лишить себя я жизни,
Когда-бъ она того бы пожелала.

УСОВЪ.

А что она какъ?—также любить! Да!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Да, любить; все равно какъ я ее.
Мы съ нею часто видѣлися тайно
Въ саду, при домѣ ихъ. Какъ счастливъ былъ
Тогда я, Ваня... Цаловалъ ее,
Безъ устали все цаловалъ!—Бывало
Прижмется крѣпко, крѣпко къ моей груди
И тихо шепчетъ, такъ что еле слышно:
Возьми меня, совѣмъ возьми Петруша...
Ахъ, лучше ужъ не вспоминать бы было!

Явленіе IV.

Раздается визгъ желѣза въ Троицкихъ воротахъ; ихъ
отпираютъ и вслѣдъ за тѣмъ показываются русскіе
мужчины и женщины со всемъ своимъ имуществомъ.
Всѣ они видимо истомлены. Впереди идетъ Метиславскій,
за нимъ Воротынский, Иванъ Никитичъ Романовъ и. т. д.
Михаилъ Федоровичъ идетъ въ толпѣ близъ матери. Когда
осажденные входятъ на мостъ, то казаки съ обнаженными
саблями и съ крикомъ кидаются на нихъ. Тѣ въ испугѣ
останавливаются.

ПОЖАРСКІЙ (Обнажаетъ мечъ)

Ни съ мѣста! Вздумаетъ же кто
Ослушаться, тому снесу я тотчасъ
Проклятую башку!

КАЗАКИ.

Да что ты мыслишь!

Мы испугались, что-ль, тебя! Долой!
Мы раньше согласились ограбить
Всѣхъ тѣхъ, кто выйдетъ только изъ Кремля.
Не слушайте его ребята! Дружно
Приступимъ къ дѣлу.

ПОЖАРСКІЙ.

Стойте, я сказалъ!

КАЗАКЪ.

Руби его, когда не хочетъ онъ
Намъ честью уступить.

(Казакъ кидается на Пожарскаго. Мининъ и земскіе люди защищаютъ его.)

МИНИНЪ.

Злодѣи! Воры!

Вамъ мало что-ли той безвинной крови,
Которую вы пролили досель.
Вы хуже чѣмъ еретики поляки
Надѣлали намъ зла. Вы защищаете
Пришли насъ, а на самомъ дѣлѣ, что-же—
Вы только грабите народъ повсюду
И убиваете всѣхъ беззащитныхъ.
Въ васъ Бога нѣтъ! разбойники! злодѣи!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (Трубецкому).

Князь Трубецкой, что-жъ ты молчиши! Ни слова
Не хочешь имъ сказать. Они тебя
Послушаютъ навѣрно. Ты глава
Надъ этими безпутными людьми.

ТРУВЕЦЕОЙ (казакамъ)

Оставьте ихъ въ погоню.

КАЗАКИ.

Мы пожалуй

Тебя послушаемъ, но только помни:

Поляковъ намъ отдай на нашу волю.

ТРУВЕЦЕОЙ.

Ну ладно! Всѣхъ хоть перебейте ихъ.

(КазакИ хотя отступаютъ, но все еще продолжаютъ кричать).

ПОЖАРСКІЙ (осажденнымъ)

Идите смѣло! ничего не бойтесь!

(Всѣ сходятъ съ моста и здороваются съ ожидавшими ихъ родственниками. Нѣкоторые обращаются къ Пожарскому и Минину).

Спасибо вамъ! Спасители вы наши!

Мы будемъ вѣкъ за васъ молить Творца!

(На переднемъ планѣ показываются Петръ Андреевичъ и Люба).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Любаша, здравствуй! Но, Создатель мой,
На что похожа стала ты, голубка!

(Люба тяжело кашляетъ).

Блѣдна ты точно, какъ мертвецъ какой!

И кашляешь такъ глухо, тяжело...

Больна ты бѣдная, моя Любаша!

Скажи скорѣе! что съ тобой! не мучь!

ЛЮБА.

(Старается улыбнуться).

Я ничего! не бойся—ничего! (кашляетъ).

е много простудилась.

Н

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Полно Люба!
Меня ты не обманешь. Ты больна,
Серьезно, тяжело больна.

ЛЮБА.

Отецъ

Сюда идетъ; ступай, а то увидитъ.
(Петръ Андреевичъ удаляется).

БУТУРЛИНЪ. (подходить къ дочери
и цѣлуетъ ее)

Ты что-то сильно, Люба, измѣнилась,
Такъ, что тебя и не легко признать:
Иссохла вся, глаза ввалились какъ-то...
А впрочемъ не безъ милости Господь!
Теперь на волѣ отдохнешь ты живо.
Гдѣ мать?

ЛЮБА.

Она стоитъ въ той сторонѣ.
(уходить). Псказываются: Михайлъ
Федоровичъ, его мать и Пожарскій.

ПОЖАРСКІЙ.

И ты, Михайло Федоровичъ, былъ
Въ числѣ тамъ также осажденныхъ?

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да!

Я съ матерью своей, во время смуть,
Въ одной обители Святой укрылся.
Ты знаешь, не любилъ еще я съ дѣтства

Разказы слушать про войну, про битвы;
Мнѣ становилось жаль всегда убитыхъ,
И я какъ будто слышалъ стоны ихъ,
Страданія отъ тяжкихъ смертныхъ ранъ.
Такъ согласись, что долженъ былъ бы я
Перенести, когда-бъ на самомъ дѣлѣ
Я раненныхъ и мертвыхъ увидалъ.
Нѣтъ, предпочелъ я лучше удалиться
Туда, гдѣ въ тишинѣ я могъ всечасно
Молить Творца, чтобъ родину Онъ спасъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Твои, Михайло Ѳедорычъ, молитвы
Господь должно быть услыхалъ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Прости,
Что не успѣлъ тебя еще я, князь,
Благодарить, за наше всѣхъ спасенье.

МАРѢА ИВАНОВНА.

Да, ежели-бъ не ты, князь, и не Мининъ,
Богъ знаетъ было-бъ, что теперь съ Россіей!

ПОЖАРСКІЙ.

Не мы, а Вседержитель спасъ ее.
Мы лишь орудіе Его слѣное...
(Уходить. Къ Михаилу Ѳедоровичу
подходить Иванъ Никитичъ).

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ.

Ну, что ты думаешь, племянникъ, дѣлать:
Остаться здѣсь, иль въ Кострому уѣхать?

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Здѣсь не останусь ни за что! Мнѣ грустно
Москву такую видѣть. Посмотри:
Не только всѣ разрушены дома,
Но храмы божіе и тѣхъ злодѣи
Не пощадили. Въ отчину свою
Я съ матерью поѣду. Тамъ мы нужны.
Народъ тамъ вѣрно также раззоренъ:
Ему помочь должны мы поскорѣе.

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ.

Я твоему послѣдую примѣру.

(Уходятъ. Показываются: Мстиславскій, Воротынскій и другіе бояре бывшіе съ ними въ осадѣ).

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да, не совсѣмъ-то ловко будетъ намъ
Остаться здѣсь. Ты, Феодоръ Михалычъ
Замѣтилъ справедливо.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Согласись,
Какой нибудь Пожарскій неизвѣстный,
Да торговецъ говядины, мужикъ,
Поляковъ прогнали и къ довершенью
Намъ жизнь спасли. Какъ хочешь, тяжело
Намъ оставаться здѣсь при нихъ покуда.
Ты посмотри: народъ съ какимъ почтеньемъ
Подходить къ нимъ, благодарить съ слезами
За то, что сдѣлали тѣ для Россіи!—
При томъ мы сторону всегда держали
Поляковъ и готовы были
Предать имъ родину свою, а это
Намъ не «ройдетъ, пожалуй, даромъ.

ВОРОТЫНСКИЙ.

Такъ, такъ; намъ лучше тотчасъ-же убраться
Въ свои помѣстья что-ли; а потомъ,
Когда здѣсь успокоятся немного
И къ прежнему порядку возвратятся,
Тогда и намъ побезопаснѣй будетъ
Опять вернуться на свои мѣста.

БОЯРЕ.

Что правда, такъ ужъ правда, а теперь
Скорѣй уѣдьте отсюда.

(Уходятъ. Народъ также постепенно
расходится.)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Бутурлина.

Явленіе I.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (осторожно входитъ).

Здѣсь кажется нѣтъ также ни кого...
Иванъ Матвѣичъ на совѣтъ ушелъ
Къ боярамъ въ Думу; а старуху видѣлъ
Сейчасъ на улицѣ; должно быть въ гости
Къ сосѣдкѣ побрѣла. Какъ вызвать бы
Теперь мнѣ Любу?

Явленіе II.

Петръ Андреевичъ и Марѳа.

МАРѢА.

Что ты дѣлаешь!

Зачѣмъ вошелъ сюда? Ну ежели
На грѣхъ боярыня или бояринъ
Вернутся вдругъ. Погубишь насъ ты всѣхъ!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Не бойся не придутъ они такъ скоро...
Вотъ я тебѣ подарочекъ привнесъ.

(Подаетъ ей платокъ).

МАРѢА.

Благодарю! какой хорошій убрουςъ!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Я радъ, что онъ понравился тебѣ.
Давно собирался я тебѣ принести
Въ подарокъ, что нибудь. Въ былое время
Ты сердце мое тѣшила, Марѳуша.
Вѣдь безъ тебя я ни за что не могъ бы
Съ Любашей тайно видѣться въ саду.

МАРѢА.

Благодаренье Богу, что никто
Тогда насъ не поймалъ; иначе-бъ было
Всѣмъ намъ на калачи.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ужь послужи!

Любашу вызови сюда. Ее

Не видѣль я съ того утра, какъ васъ
Всѣхъ выпустили изъ Кремля.

МАРҢА.

Нельзя

Тебѣ мнѣ отказать; ужь больно добрь.
Подарочекъ принесть какой хороши!

(Уходитъ, но потомъ остававляется)

Съ условіемъ твою исполню просьбу,

Чтобъ долго здѣсь ни какъ не оставаться,

А то безъ умолку пойдете тутъ

Шептаться, цаловаться и какъ разъ

Нагрянетъ кто нибудь.

(уходятъ).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Вотъ наконецъ

Ее увижу я! Ахъ Боже мой!

Ее какъ я люблю!

Явленіе III.

Петръ Андреевичъ и Люба.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Здорово Люба!

ЛЮБА.

Какой безстрашный ты! Какъ можно было

Вдругъ днемъ сюда придти!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Не бойся, краля!

Никто насъ не увидитъ. Дай обнять!
Дай глазки дивные поцаловать.

(Цалуются).

Какъ счастливъ такъ давно я не былъ, Люба!

Вотъ шейку дай еще поцаловать...

Какая худенькая стала ты;

Не то, что прежде — булочка была!

ЛЮБА.

Повремени, опять такую буду.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Что кашель твой?

ЛЮБА.

Полегче много стало.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

И слава Богу! Ахъ, какъ тосковалъ

Все это время я. Чего, чего

Мнѣ въ голову не приходило, Люба!

То мнѣ мерещилось, что ты, бѣдняжка,

Въ рукахъ поляковъ, то тебя я видилъ

Истерзанную подъ ножемъ злодѣевъ.

ЛЮБА (смѣется).

А вотъ на зло цѣлехонька осталась...

(задумывается).

Да, ты былъ правъ, что за меня боялся.

Я столько выстрадала, любя мой,

Что даже страшно вспомнить мнѣ теперь.

Поляки буйствовали постоянно;

Насъ русскихъ грабили и обижали,

Когда же голодъ начался и всѣхъ

Собака, мышей, крысь, кошекъ переѣли.
Тогда за жизнь свою страшились мы.
Поляки ѣли мертвыхъ, а иные,
На слабого напавъ, живаго грызли.
Въ церквахъ хранились чаны съ мертвецами;
Ихъ въ прокъ готовили.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Фу! перестань!

Не говори про эту мерзость! гадко!

ЛЮБА.

Ну, я не буду...

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Лучше расскажи:

Ты обо мнѣ-то вспоминала-ль?

ЛЮБА.

Петя!

Неужли сомнѣваешься во мнѣ!

Не думала я этого по правдѣ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ну, полно! не сердись! я пошутилъ.

(Люба кашляетъ).

Все кашляешь еще; и тяжело какъ!

ЛЮБА.

Богъ дастъ пройдетъ! не бойся—ничего.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Любаша, неужели вѣчно намъ

Не суждено принадлежать другъ другу?

ЛЮБА.

Что-жъ дѣлать, коль отецъ не хочетъ.
Неумолимъ онъ! Богъ его суди!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Послушай! ежели онъ и теперь
На бракъ не согласится нашъ, такъ знаешь,
Что я придумалъ?

ЛЮБА.

Что! скажи желанный!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Бѣжимъ и обвиняемся тайкомъ.

ЛЮБА (съ испугомъ).

Нѣтъ, ни за что!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Такъ значитъ ты не любишь!

ЛЮБА.

Люблю! не знаю какъ сказать люблю!

Но убѣжать—не соглашусь!... Нѣтъ, нѣтъ!

Меня за это проклянуть родные.

А знаешь ты, что проклятымъ быть значитъ?

Самъ Богъ тогда отступится отъ насъ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Но что-жъ мы будемъ дѣлать?

ЛЮБА.

Подождемъ!

Хоть тяжело, но что же дѣлать, Петя.
Агось и сдобрится отецъ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Сама-жъ

Ты говоришь, что онъ неумолимъ...

Нѣтъ, Люба, ты меня не любишь такъ,
Какъ я тебя люблю.

ЛЮБА.

Ахъ, полно, Петя!

Грѣшно такъ говорить! Готова душу
Я за тебя отдать... Ты слышишь это?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

А все-таки бѣжать со мной не хочешь.

ЛЮБА.

На край бы свѣта я съ тобой бѣжала,
Да только я грѣха боюсь, мой милый!
Повремени! ужъ много ждали мы,
А я тебя за это поцалую.

(Обнимаетъ его).

Явленіе IV.

Тѣ же и Бутурлинъ (отъ изумленія останавливается въ
дверяхъ. Люба первая его увидала).

ЛЮБА.

Ахъ!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Что съ тобой! Чего ты испугалась?

(Увидавши Бутурлина, оба дѣлаются неподвижны. Молчаніе продолжается нѣсколько времени).

БУТУРЛИНЪ.

Сонъ это! иль видѣніе какое!

Да говорите-жь!

(ударяетъ палкой о полъ).

Что вы онѣмѣли!

ЛЮБА (падаетъ на колѣни).

О, пощади отца! молю тебя!

БУТУРЛИНЪ.

Я лучше бы готовъ былъ перенести

Всѣ пытки ада! всѣ его мученія!

Чѣмъ видить это! Дочь Бутурлина

Въ объятіяхъ мужчины! Нѣтъ, не вѣрю!

Мнѣ это показалось! это сонъ!

Да отвѣчай же! иль убью тебя!

(Замахивается палкой).

ЛЮБА.

Прости!

БУТУРЛИНЪ.

Одна лишь только смерть твоя—

Съ моей главы—позоръ ужасный смоетъ...

О Господи! за что ты такъ жестоко

Меня такъ наказалъ! Ужель

Другихъ страданій на землѣ ужъ нѣтъ!

Наслалъ бы на меня болѣзнь тяжку,

Покрыль бы струпиями мое все тѣло
И тихо, медленно оно-бъ гноилось,
Пока не превратился-бъ я въ скелета,
И духъ не вылетѣлъ бы изъ меня...
Иди отсюда! а не то клянусь,
Я не ручаюсь за себя!

(Люба тихо уходитъ).

БУТУРЛИНЪ (долго и пристально смотритъ на Петра Андреевича).

Злодѣй!

Скажи, какая казнь тебя достойна!
Ты дочь боярина не убоялся
Прельстить и соблазнить. Тебя убить
Я долженъ! Да!

(обнажаетъ мечъ).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (также обнажаетъ).

Остановись бояринъ!

Тебѣ со мною драться не подѣ силу.

Моложе я тебя, сильнѣе буду.

(Бутурлинъ бросаетъ мечъ и садится за столъ, обхвативши голову руками.

Петръ Андреевичъ уходитъ).

БУТУРЛИНЪ (послѣ долгаго молчанія).

Она моихъ сѣдинъ не пощадила...

На посмѣяніе ихъ отдала...

Не я-ль гордился ей, не я-ль лелѣяль,

Въ себѣ едину мысль: ее отдать

За перваго боярина въ Москвѣ.

А можетъ быть и Царь прельстился-бъ ею

И въ жены избралъ онъ ее себѣ.

Я тестемъ былъ бы! тестемъ самаго,

Московского Царя! Я — Бутурлинъ!

(быстро встаетъ).

Не дочь ты! — извергъ. Будь ты проклята!

(кричитъ).

Кто тамъ? войдите!

Явленіе V.

Бутурлинъ и Марѳа.

МАРѢА.

Что тебѣ угодно?

БУТУРЛИНЪ.

Боярину сейчасъ позвать сюда.

МАРѢА.

Она давно изволила уйти

Къ сосѣдямъ въ гости.

БУТУРЛИНЪ.

Подойди поближе.

Твои продѣлки! болѣе ни чьи!

Ты ихъ сводила?... Говори скорѣе!

МАРѢА.

Бояринъ! я не знаю про кого

Изволишь говорить.

БУТУРЛИНЪ.

Не знаешь ты!

Подъ пыткой вытану я изъ тебѣ!

Всю истину!.. Войдите, кто тамъ есть!

МАРӨА (падаетъ на колѣни).

Бояринъ, пощади! безвинна я!

Явленіе VI.

Тъ же и слуга.

БУТУРЛИНЪ.

Возьми ее и тотчасъ безошадно
Кнutomъ бей, иль огнемъ жги, только
Всю правду отъ нее мнѣ допытайся:
Какъ дочь мою, она, съ однимъ мерзавцемъ,
Сводила въ домъ здѣсь. Смотри халуй,
Поблажки не давай; иначе бойся,
Изъ рукъ своихъ пытать тебя я буду.

МАРӨА.

Бояринъ пощади!

БУТУРЛИИЪ.

Молчи змѣя!

(Ударяетъ ее палкой).

Любашку-же вели сейчасъ ты людямъ
Въ свѣтлицѣ крѣпко заперѣть,
И чтобы къ ней никто не смѣлъ входить.
Ступай!

(Слуга уводитъ Марөу).

Явленіе VII.

БУТУРЛИНЪ.

Ее я въ монастырь запрячу.
Пусть жизнь свою въ слезахъ, постѣ, молитвѣ
Она протянетъ вѣкъъ.

(Входитъ Слуга).

СЛУГА.

Къ тебѣ, бояринъ,
Пож аловали гости. Какъ прикажешь...

БУТУРЛИНЪ.

Прійми! проси сюда.

(Слуга уходитъ).

Явленіе VIII.

Бутурлинъ, Пожарскій, Мининъ, Шереметевъ, Бахте-
ровъ-Ростовскій и другіе бояре.

ПОЖАРСКІЙ.

Подай Господь
Тебѣ, Иванъ Матвѣвичъ, здоровья!

БУТУРЛИНЪ.

Благодарю за посѣщеніе ваше.
Прошу садиться; есть скамьи, скамейки;
А чѣмъ васъ угощу, ужъ не взыщиге.
Въ своихъ разграбленныхъ я погребахъ

Нашелъ одну лишь бочку съ старымъ медомъ.
Какъ уцѣлѣла, не могу понять.
(Стучить палкой въ полъ. Входить слуга).

ПЕРЕМЕТЕВЪ.

И то спасибо, что одна-то есть.
А у другихъ, такъ начисто все растащили,
Хоть шаромъ въ домъ покати.

БУТУРЛИНЪ (слуга).

Подать,
Что есть въ печи, а также медъ, вино.
(Слуга уходитъ).

ПОЖАРСКІЙ.

Къ тебѣ пришли мы на совѣтъ, бояринъ.
Мы утресь рано разошлись изъ Думы,
Такъ что не могъ ты насъ ужъ тамъ застать.

БУТУРЛИНЪ.

Душевно радъ служить я, если только
Советъ мой можетъ пользу принести.

МИНИНЪ.

Твоя извѣстна преданность Россіи,
А также и царямъ. Ты никогда
Не измѣнялъ имъ.

БУТУРЛИНЪ.

Огради Господь
Меня на вѣкъ отъ этого злодѣйства!

ПОЖАРСКІЙ.

Когда-бъ всѣ думали, какъ ты бояринъ,

Тогда, повѣрь, Россія не дошла-бъ
До положенія, въ какомъ она
Теперь находится ужъ сколько лѣтъ.
Въ ней не было-бъ не только самозванцевъ,
Но и царя Бориса Годунова.
Но такъ какъ приближенные къ престолу
Заботились больше о себѣ,
А не о родинѣ, то ничего
И нѣтъ мудренаго, что смѣльчаки,
Проныры, затаенные лукавцы
Въ водѣ, самими ими возмущенной,
Ловили рыбу.—Изъ такихъ Борисъ,
Василій Шуйскій, а за ними вслѣдъ
Пошли конечно всѣхъ сортовъ возможныхъ
Лжедмитри и воры Лжепетры.

(Въ это время вносятъ кушанье, медъ,
вино и ставятъ на столъ. Бутурлинъ
наливаетъ чаши и подаетъ каждому
гостю).

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Во здравіе твое, Иванъ Матвѣичъ!

ПОЖАРСКІЙ.

Дай Богъ тебѣ счастливымъ быть во всемъ!

БУТУРЛИНЪ.

Вы лучше выпили-бъ за исцѣленье
Отечества отъ ранъ.

МИНИНЪ.

Вотъ слово къ мѣсту.

(Всѣ пьютъ).

БУТУРЛИНЪ.

Что, нѣтъ ли новостей какихъ
Изъ дальнихъ мѣстъ Россіи?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Какъ не быть!

Да только новости-то эти тяжки.
Почти всѣ города безъ исключенья
Раззорены; бояре же, купцы
И черный весь народъ страдаютъ сильно
Отъ грабежей казаковъ; эти воры
Не только на большихъ дорогахъ грабятъ,
Но въ села шайками вдругъ наѣзжаютъ,
Берутъ все то, что цѣну лишь имѣетъ,
А самыхъ жителей сѣкутъ, тиранятъ,
Чтобъ допытать отъ нихъ, куда
Они свое имѣнье схоронили.
А про разбойника Заруцкаго
Идетъ молва, что онъ теперь бѣжалъ
Съ Мариною, женой растриги Гришки,
Съ которою связался ужъ давно, —
На Астрахань, и выдаетъ себя
Тамъ за царевича Димитрія.
Съ приволжскими казаками въ сношеньяхъ
И поджигаетъ ихъ идти опять
Сюда, въ Москву.

МИНИНЪ.

Храни Создатель насъ

Отъ этакой напасти!

БУТУРЛИНЪ.

Никогда

Конца не будетъ этимъ возмущеньямъ,
Пока не выберемъ себѣ царя.

ПОЖАРСКІЙ.

Мы собственно къ тебѣ за тѣмъ пришли.
Совѣтъ твой намъ и дорогъ и великъ.

БУТУРЛИНЪ.

Спасибо вамъ! одно скажу я только:
Что намъ царя инаго и не нужно,
Какъ лишь избраннаго Россіей всей.
Единодушье!—Вотъ что должно быть!
При томъ, чтобъ не иначе былъ онъ избранъ,
Какъ изъ потомковъ Рюрикава дома.

МИНИНЪ.

Про это нечего и говорить!
Родъ древній этотъ; краше всѣхъ родовъ!
Пусть онъ одинъ царить всегда надъ нами,
Десницею Творца благословенный!

БУТУРЛИНЪ.

Аминь!.. Россія искони имѣла
Царей законныхъ, и одними ими
Она лишь управляема была.
Какъ явится любимый царь на тронъ,
Тогда хоть медленно, но все-жъ Россія
Отъ ранъ ей нанесенныхъ исцѣлится.
Отъ искренной, святой любви къ царю
Последнимъ мы пожертвуемъ ему,
Лишь только-бъ онъ на тронъ счастливъ былъ
И могъ возстановить скорѣй на Руси
Порядки прежніе.

МИНИНЪ.

Твои слова
Кого не распалятъ бояринъ. Мыслью.

Что если-бы народъ могъ слышать ихъ,
Тогда-бъ воспрянулъ падшимъ духомъ онъ
И съ крѣпкой вѣрой ждалъ-бы впереди
Себѣ спокойствія и счастья онъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Да, много у тебя, Иванъ Матвѣичъ,
Любви къ народу, къ родинѣ своей.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Когда пришли къ тому мы убѣждению,
Что царь намъ нуженъ, то должны немедля
Мы къ дѣлу приступить. Гонцовъ послать
Во всѣ концы Россіи и просить
Прислать людей къ намъ лучшихъ и разумныхъ,
Что-бъ всей землей избрать себѣ царя.

БУТУРЛИНЪ.

О, безъ сомнѣнья торопиться нужно;
Россіи дорогъ каждый часъ теперь.
Чѣмъ дольше будетъ безъ царя она
Тѣмъ больше будетъ мучаться, страдать;
Поэтому немедленно велѣть
Писать посланія ко всей Россіи
И разослать гонцевъ.

ПОЖАРСКІЙ.

А если такъ,
Пойдемъ сейчасъ на площадь и объявимъ
Народу мы рѣшеніе свое.

БУТУРЛИНЪ.

Ступайте съ Богомъ! Для успѣха жъ дѣла
Осушимъ меду по большой стопѣ.

МИНИНЪ

За здравье будущаго государя!

(пьютъ)

ВСѢ.

Прощай бояринъ! будь здоровъ!

БУТУРЛИНЪ.

Прощайте!

(всѣ уходятъ).

Явленіе IX.

БУТУРЛИНЪ.

О Господи! кого благословишь
На царство Ты? Кому вручишь судьбу
И счастье всего народа? — Страшно! —
Кто онъ, который скоро назовется
Царемъ московскимъ? — Въ этихъ двухъ словахъ
Величія и силы сколько слышно!
Московскій Царь! при этомъ сладкомъ звукѣ
Въ груди невольно сердце вострепетаетъ
У каждаго, кто Русь святую любить!..
Россія! Царь!.. Два эти слова слиты
На вѣкъ между собой!.. Благослови-жь
Господь достойнаго изъ насъ на царство
И родъ его процви на всѣ вѣка!

(садится и задумывается).

При имени царя забылся я;
Но вотъ опять свое я горе вспомнилъ...
О дочь! меня ты скоро въ гробъ сведешь!

(падаетъ головой на столъ и навзрыдъ
плачетъ).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Дума. Вокруг стѣвъ тянутся скамьи и столы. На одномъ изъ столовъ лежатъ большія книги, бумага, перья и чернила.

Явленіе I.

СТОРОЖЪ (осматриваетъ комнату)

Кажись, въ порядкѣ все! бумага, перья,
Чернила есть. Вотъ родословны книги.
Я думаю, ужъ скоро и придутъ.
Наѣхало гостей въ Москву не мало.
Всѣ города прислали отъ себя
Людей довѣренныхъ, что-бъ выбрать
Царя на тронъ московскій. Для чего
Они три дня постились, и теперь
Пошли въ Соборъ, у Господа просить
Благословенія въ семь важномъ дѣлѣ.
Кого то изберуть въ Цари!
(уходитъ).

Явленіе II

Шереметевъ Бахтеяровъ-Ростовскій и другіе выборные входятъ постепенно. Шереметевъ и Ростовскій отходятъ въ сторону.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Такъ ты меня поддержишь?

РОСТОВСКІЙ.

Непремѣнно!

По моему, Мстиславскій Феодоръ

Достойнѣ бояръ всѣхъ быть царемъ.
Его родъ знаменитъ; да наконецъ,
Какъ при царѣ Феодорѣ, а также
При Годуновѣ, занималъ всегда
Онъ мѣсто первое въ боярской думѣ.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Жалбю я, что неуспѣлъ онъ самъ
Сюда прѣхать; много-бъ было лучше...
Да гдѣ же наши? нужно съѣсть всѣмъ рядомъ.
Пойдемъ искать ихъ. Скоро ужъ начнется.
(уходятъ)

Двое бояръ.

1-й БОЯРИНЪ.

Я думаю, что мы съ тобой возьмемъ
Надъ всѣми верхъ. Голицынъ князь Василий
Достойнѣй всѣхъ возсѣсть на тронъ Московскій;
Онъ никогда не измѣнялъ Россіи.
Въ числѣ пословъ отправился къ полякамъ
Онъ подъ Смоленскъ и былъ, какъ Филаретъ,
Онъ твердъ, чтобъ Владиславъ крестился въ нашу
вѣру.
Теперь я мыслю, что въ Варшавѣ ихъ
Въ тюрьмѣ томятъ. Несчастные послы!
(уходятъ).

Петръ Андреевичъ и Иванъ Усовъ

УСОВЪ.

Ужель еще до сей поры
Любашу держутъ, Петя, въ заперти?
Мнѣ жаль ее бѣдняжку! сильно жаль!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о ней напомнилъ ты опять...

(показываетъ на грудь)

Мнѣ больно здѣсь! Пойми же наконецъ!

УСОВЪ.

Прости! я огорчилъ тебя немысливъ...

Послушайся меня и будешь счастливъ—

Тихонько увези ее.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Она

Не согласится ни за что на это.

Я ей ужъ говорилъ.

УСОВЪ.

То было прежде.

Теперь же вѣрь, она согласна будетъ.

Ты сдѣлай вотъ какъ...

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Нѣтъ, теперь не время.

Совсѣмъ другой я занятъ мыслью, Ваня.

Какъ не люблю Любашу сильно я,

Но мысль о томъ, царемъ кто будетъ избранъ,

Все отстранила отъ меня теперь.

Я этимъ только занятъ и клянусь,

Не знаю чѣмъ пожертвовалъ-бъ, лишь только

Былъ избранъ тотъ, кого желаю я.

Не мало натерѣлась ужъ Россія

За это время! А причиной что?

Царя у насъ законнаго не стало.

Такъ согласись, вдругъ изберутъ опять,

Когонибудь, подобно Годунову.
Тогда ужъ не возстать никакъ Россіи...
Падеть она и Сигизмундъ навѣрно
Ее раздѣлить съ Шведскимъ королемъ.
Одинъ лишь только царь законный можетъ
Дать жизнь ей и возвратить народу
Спокойствіе и счастье бывшее.

УСОВЪ.

Кого желаль-бъ увидѣть ты царемъ?
(Къ нимъ подходятъ: Пожарскій и
Мининъ. Петръ Андреевичъ и Усовъ
уходятъ).

ПОЖАРСКІЙ (Минину)

Будь твердъ, Козьма Захарычъ; я надѣюсь,
Что насъ съ тобой поддержитъ большинство.
Онъ молодъ, правда; но за то повѣрь,
Онъ такъ надежды много подаетъ,
Что всѣ его благословлять мы будемъ.

МИНИНЪ.

Господь поможетъ въ этомъ дѣлѣ намъ!
(Уходятъ. Показывается Трубецкой съ
Казакомъ).

ТРУБЕЦКОЙ (Казаку).

Скажи имъ, что-бъ они какъ можно громче
Кричали, что избрать въ цари желаютъ
Спасителя Москвы и всей Россіи
Димитрія князь Трубецкаго

КАЗАЕЪ.

Ладно!

ТРУБЕЦЕЮ.

Чѣмъ будете настойчивѣй, тѣмъ лучше.
А нужно будетъ—припугнемъ пожалуй.

КАЗАКЪ.

За этимъ князь не станетъ дѣла.

ТРУБЕЦЕЮ.

Вѣрю.

(Дума наполняется народомъ; всѣ садятся на скамьи).

ПОЖАРСКІЙ.

Вотъ наконецъ Господь насъ удостоилъ
Къ избранью приступить. Но прежде нужно
Условиться въ одномъ намъ непремѣнно:
Мы не иначе избирать должны
Себѣ царя, какъ изъ своихъ же русскихъ.
Ни нѣмцевъ, ни поляковъ намъ не нужно.
Надѣюсь, всѣ согласны въ этомъ?

ГОЛОСА.

Всѣ!

Намъ православнаго царя давайте!

ПОЖАРСКІЙ.

И такъ къ избранью приступить мы можемъ.
Всѣ мнѣня по порядку отберемъ
И перевѣсъ на сторонѣ чьей будетъ,
Того и изберемъ въ цари.—Согланы?

ГОЛОСА.

Да, да сильнѣйшимъ должно уступить.

ПОЖАРСКИЙ (береть со стола бумагу).

Что это! Кто-то мнѣные изложилъ
Намъ на письмѣ. Прочтемъ сперва его.
(съ восторгомъ).

Не можетъ быть!!

ГОЛОСА.

Что! что! прочти скорѣе!

ПОЖАРСКИЙ.

Намъ предлагаютъ на престоль взвести
Михайло Ѳедрыча Романова.

(Раздается нѣсколько медовольныхъ
голосовъ).

ТРУБЕЦКОЙ.

Романова! кто это предложилъ?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Я предлагаю вамъ его.

(Донской атаманъ подаетъ бумагу).

ПОЖАРСКИЙ.

А ты?

АТАМАНЪ.

Я также за Романова стою.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Никто его не можетъ быть достойнѣй!
Онъ больше всѣхъ теперь имѣетъ правъ
На Рюриковъ престоль. Онъ царь природный!
По Анастаси Романовнѣ,
Женѣ Ивана Грознаго Царя,

Приходится Ивану внукомъ онъ,
А Оедору—племянникомъ придется.
Скажите! кто изъ остальныхъ бояръ
Стоить въ родствѣ ближайшемъ ко царямъ?

ГОЛОСА.

Никто! никто! онъ ближе всѣхъ стоитъ!
Онъ царь природный! Это правда! да!

ТРУВЕЦКОЙ (въ сторону)

О немъ совсѣмъ я позабылъ! Не ладно!
А впрочемъ, что-жь—попробуемъ возстать.
(Громко).
Но родъ Романовыхъ, скажите чѣмъ
Себя особеннымъ ужъ такъ прославилъ,
Что предъ другими больше правъ имѣтъ
Онъ на престолъ Московскій? мы не знаемъ!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какихъ же правъ еще желаешь ты?!
Я кажется ихъ ясно указалъ.
А ежели мало, князь, прибавлю я:
Царица Анастасія народу
Такъ памятна, что онъ еще досель
Предъ именемъ ея благоговѣтъ.
Онъ чтить ее—равно, какъ бы святую.
Когда-бъ ты былъ въ толпѣ, когда-бъ ты слышалъ
Единодушный говоръ всей Москвы,
Тогда-бъ ты зналъ, чего народъ желаетъ.
Во имя памяти, имъ чтимой Анастаси,
Онъ всей душой къ Романовымъ привязанъ,
Которые издревль были всѣ
Вѣрны царямъ, отечеству и церкви...
Такъ, знай, народъ имѣтъ царемъ желаетъ
Лишь Михаила, больше никого.

ГОЛОСА.

Онъ правду говорить.

КАЗАКИ.

Не правда, нѣтъ!

Хотимъ царемъ имѣть мы Трубецкаго.

(общее негодованіе).

МИНИНЪ.

Царемъ избрать того, кто атаманомъ
Надъ шайкою разбойничею былъ,
Кто грабилъ Русь, народъ несчастный билъ...

Молчите вы! иначе мы велимъ

Васъ выгнать всѣхъ и вмѣстѣ съ княземъ вашимъ.

КАЗАКИ.

Мы силой васъ избрать его заставимъ.

ТРУБЕЦКОЙ.

Постой, что попусту кричать, ребята!

Еще не избранъ Михаилъ на царство.

Кто знаетъ всѣ-ль согласны еще будутъ.

ГОЛОСА.

Всѣ, всѣ согласны! онъ царемъ намъ будетъ!

Онъ Царь природный! за него мы всѣ!

ПОЖАРСКІЙ.

Когда согласны, значить намъ осталось

Теперь спросить народъ, что скажетъ онъ.

(Усову).

Бояринъ, выдъ къ нему и распроси

Кого царемъ желаетъ онъ имѣти?

(Усовъ выходитъ изъ Думы и вслѣдъ за тѣмъ слышится съ улицы голоса).
Михайло Ѳедрыча Романова!

ШЕРЕМЕТЕВЪ (тихо Ростовскому).

Пропало все!

РОСТОВСКИЙ.

И толковать не стоитъ!

ПОЖАРСКИЙ.

(Встаетъ съ мѣста и крестится; всѣ слѣдуютъ его примѣру).

Теперь намъ остается лишь одно:
Принести Всевышнему благодаренье
За то, что Онъ сподобилъ насъ избрать
Себѣ царя, и тотчасъ же отправить
Къ Михайлу Ѳедрычу, отъ всей земли,
Пословъ. Они его должны молить,
Чтобъ онъ-бы принялъ шапку Мономаха;
Надъ родомъ христіанскимъ умилился-бъ,
Разграбленнымъ отъ польскихъ сыродяцевъ,
И взявъ его онъ подъ свою десницу.

ГОЛОСА.

Кого-жъ въ послы теперь мы изберемъ?

БУТУРЛИНЪ.

Изъ духовенства, мысля я, отправить
Архіепископа Ѳеодорита,
Троихъ Архимандритовъ, протопоповъ
И съ ними нѣсколько бояръ знатнѣйшихъ,
Приказный людъ, жильцовъ, а также стряпчихъ
И выборныхъ людей отъ городовъ.

ГОЛОСА.

Но гдѣ-жъ Царя найдемъ? намъ неизвѣстно,
Куда отправился онъ изъ Москвы?

БУТУРЛИНЪ.

Ступайте въ Кострому, быть можетъ тамъ
Теперь живетъ онъ. Если-жъ не найдете,
Отправьтесь въ отчину его... Что тамъ
За шумъ такой?

(Входитъ ратникъ).

РАТНИКЪ. II

Изъ Новагорода

Послы пріѣхали отъ Шведовъ.

БУТУРЛИНЪ.

Что-жъ,

Просите ихъ; землю всей Московской

Мы выслушать готовы ихъ теперь.

(Ратникъ уходитъ).

Явленіе III.

Тѣ же и Шведскіе послы.

ПОСОЛЪ.

Великіе бояре и дворяне,
Купцы и православный весь народъ,
Изъ Швеции мы присланы послами
Отъ королевича Филиппа. Онъ,
На просьбу вашу, снисходя, согласенъ
Принять московскій тронъ. Навѣрно вы
Такого счастья себѣ не ждали!

ВУТУРЛИНЪ.

Дѣйствительно не ждали, потому
Царемъ мы избрали себѣ другаго.

ПОСОЛЬ.

Какъ, избрали! Но вы-жъ просили сами
Его принять корону?

ВУТУРЛИНЪ.

Да, просили.

Намъ нужно было вытѣснить поляковъ
Изъ государства и что-бъ въ этомъ намъ
Тогда вы не мѣшали, мы должны
Невольно были къ хитрости прибѣгнуть.
Вотъ отчего у Шведовъ и просили
Себѣ Филиппа на престолъ. Въ своемъ,
Какъ видите расчетъ не ошиблись;
Вы успокоились и не мѣшали
Поляковъ вытѣснить намъ изъ Москвы.

ПОСОЛЬ. (грозно).

Такъ вы осмѣлились оскорбить
Великую державу! короля!
О, знаете-ль, что ожидаетъ васъ
За оскорбленіе такое?—Бойтесь!
Все ваше государство мы разграбимъ
И завладѣемъ имъ, какъ все равно,
Теперь мы Новгородомъ завладѣли.

ПОЖАРСКІЙ.

Черезъ обманъ вы завладѣли имъ,
А не оружіемъ его вы взяли;
Такъ нечего вамъ и кичиться этимъ.
Когда-жъ вы въ гости къ намъ придти хотите,
Такъ чтожь, мы съ почестію и встрѣтимъ васъ.

А королевичу своему скажите;
Что царь у насъ Романовъ Михаилъ.

ПОСОЛЬ.

Одумайтесь, еще вамъ время есть!

МИНИНЪ.

Ступайте лучше съ Богомъ вы отъ насъ.

Мы дѣломъ заняты; намъ не до васъ.

ПОСОЛЬ (грозно).

Узнаете вы скоро, какъ умѣютъ
Наказывать за оскорбленье Шведы!

(Послы уходятъ).

БУТУРЛИНЪ.

Намъ послѣ этого нельзя и часу

Безъ государя оставаться.

ГОЛОСА.

Вѣрно!

Пословъ къ нему отправимте немедленно.

(всѣ встаютъ).

УСОВЪ (отводитъ Петра Андреевича
въ сторону).

Душевно радъ я, Петя, за тебя!

Твое исполнилось желанье,

И вѣрь, исполнится другое также.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Я счастливъ такъ, что даже подобрать

Приличныхъ словъ не въ силахъ, чтобъ тебѣ

Могъ передать, что чувствую теперь.

УСОВЪ.

Народъ расходится; пойдемъ и мы.

(уходятъ).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Келья въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Явленіе I.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ (сидитъ у
стола за книгой).

Какъ не стараюсь я занять свой умъ
Прилежнымъ чтеніемъ бытописанья
Родной страны; но все я не могу
Забуть несчастнаго отца. Гдѣ онъ?
Въ тюрьмѣ быть можетъ онъ теперь сидитъ
И слезы горькія льетъ по семьѣ...
Намъ суждено-ль когда нибудь съ тобой
На этомъ свѣтѣ увидаться? Что-то
Мнѣ сердце говоритъ совсѣмъ иное...
Да живъ ли ты еще! они быть можетъ
Тебя какъ Гермогена уморили...
Они не люди! звѣри, сыродцы! (задумывается)
Страдать за родину! какъ много въ этомъ
Великаго, святаго, что-то слышно!
Я не рожденъ быть воиномъ, но если-бъ
Мнѣ привелось все пытки перенести
За родину, за православну церковь—
Я кажется съ восторгомъ перенесъ-бы...
Москва! Россія! сколько въ нихъ таится*

Чудеснаго для сердца россиянь.
Нѣтъ человѣка въ мірѣ, мнится мнѣ,
Который родину бы не любилъ.
Въ ней все имѣеть прелесть для него:
Лѣса, поляны, рѣчки и куртины
Равно цѣнны, какъ и народъ родной.
(задумывается).

Явленіе II.

Михаилъ Феодоровичъ и Марѳа Ивановна.

МАРФА ИВАНОВНА.

О чемъ задумался опять ты, Миша?
Какъ не застаю одного тебя,
Всегда найду съ поникнутой главой.
Повѣдай мысль свою, я мать тебѣ.

МИХАИЛЬ ФЕОДОРОВИЧЪ.

Ахъ, матушка, какъ передать могу
Словами то, что гомоздится здѣсь
(показываетъ на голову).

То думаю я о Москвѣ несчастной,
О разоренномъ краѣ всемъ; а больше
О батюшкѣ страдальцѣ. Гдѣ-то онъ?

МАРФА ИВАНОВНА.

Мы Господа должно быть прогнѣвили,
Что отнял Онъ его отъ насъ съ тобой!
Да, родъ Романовыхъ несчастный, Миша.
Со смертію Феодора царя
Онъ перенесъ такъ много мукъ, страданій,
Что сердце надрывается отъ боли...
А виновать во всемъ Борисъ убійца.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Но какже, матушка, ему не грѣхъ
Насъ было притѣснять. Мой дѣдъ Никита,
Предъ смертію, ему вѣдъ поручилъ
Дѣтей своихъ.

МАРѢА ИВАНОВНА.

Ахъ, Миша, ты не знаешь

Какое злое сердце онъ имѣлъ.
Романовы могли ему мѣшать
Спокойно царствовать, и чтобъ отъ нихъ
Скорѣй отдѣлаться, велѣлъ доносъ
Фальшивый принести на нихъ. Тогда,
Роднаго дяди твоего холопъ
Мѣшокъ съ кореньями къ нему подкинулъ.
За этимъ вслѣдъ и съ обыскомъ явились.
Улика на лицо! царя хотѣли
Отравой извести.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Какая подлость!

МАРѢА ИВАНОВНА.

Чѣмъ кончилось, тебѣ уже извѣстно.
Отецъ твой, Филаретъ, какъ самый старшій
Постриженъ въ монастырь. Другихъ же всѣхъ
Сослали въ дальнія мѣста Россіи...
Но рано-ль поздно-ль Богъ всегда накажетъ
За злое дѣло. Такъ и Годуновъ
Наказанъ былъ въ родныхъ своихъ же дѣтяхъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Скажи, какъ думаешь, ты, матушка,
Что дѣлается на Москвѣ теперь?

МАРФА ИВАНОВНА.

Что дѣлается!—Страхъ подумать, Миша!
Народъ голодный, тощій, безъ одежи
И безъ пристанища, какъ есть, совѣмъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я мыслю, что давно ужъ приступили
Они къ избранію царя.

МАРФА ИВАНОВНА.

Пожалуй,
Опять какого нибудь Годунова
Иль Гришку вора изберуть. Они
Не долго о своихъ страданьяхъ помнятъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Ну нѣтъ, не думаю; они теперь
Такъ не поступать; да при томъ
Пожарскій князь и Мининъ Сухорукой
Ихъ не допустятъ сдѣлать это.

МАРФА ИВАНОВНА.

Трудно
Народъ избалованный удержать...
А знаешь ли ты, Миша, кто имѣетъ
Всѣхъ больше правъ на Мономаха шапку?..
Ты это, Миша! ты!

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Храни Господь
Меня отъ этого... Не созданъ я
Народомъ управлять. Я тишину,
Спокойствіе люблю...

МАРФА ИВАНОВНА.

Я это знаю!

Поэтому не будетъ отъ меня
Тебѣ благословѣнія на царство.

Явленіе III.

Тъ же и старуха.

СТАРУХА.

Подай Господь здоровья вамъ обоимъ!

МАРѢА ИВАНОВНА.

Твое-то какъ?... Садись вотъ на скамью.

Я думаю устала?

СТАРУХА.

Да, немножко.

Совсѣмъ отказываются служить

Мнѣ ноженки мои... Охъ, тяжела

Такая старость!

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Сколько лѣтъ тебѣ?

СТАРУХА.

Кажись девятый ужъ идетъ десятокъ.

Я родилася при царѣ Васильѣ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Давненько!

СТАРУХА.

Да, давненько, мой родной!

Когда вы прибыли къ намъ въ Кострому
Изъ отчины своей?—Сегодня только
О васъ я услышала.

МАРФА ИВАНОВНА.

Дней ужъ пять
Пойди, чай, будетъ.

СТАРУХА.

Правда-ль что тебя,
Михайло Ѳедорычъ, убить хотѣли?

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Хотѣли, правда... Грустно вспомнить мнѣ,
Панкратьевна, объ этомъ!—Тотъ, кто спасъ
Меня отъ смерти, жизнью поплатился.

СТАРУХА.

Я слышала, что онъ былъ твой мужикъ
Изъ Домина села иль Деревнищъ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Да, такъ! Сусаниномъ онъ прозывался.
Онъ ранѣ узналъ, не знай откуда,
Что шайка шлюющихся тамъ поляковъ
Меня вездѣ искала, чтобъ убить.
Зачѣмъ!—понять доселѣ не могу.
Въ одно я утро вышелъ за село,
Какъ вижу, вдругъ ко мнѣ бѣжить Сусанинъ...
«Спасайся»—говорить—«тебя убить
«Хотятъ поляки».—И, не давши мнѣ
Ни слова вымолвить, поспѣшно спряталъ
Меня въ овинъ. Спусти часа ужъ два,
Какъ съ лошадыю ко мнѣ пришелъ Сабининъ,

Онъ зять Сусанина,—и разсказалъ,
Въ какихъ мученьяхъ умеръ тестъ его.
Они пытались отъ него узнать
Мое жилище; но Сусанинъ умеръ,
Истерзанный подъ ихъ ножами,—молча.

СТАРУХА.

О Господи, какіе люди есть
У насъ на матушкѣ Руси!

Явленіе IV

Тъ же и слуга.

СЛУГА.

Къ тебѣ,
Михайло Ѳедорычъ, послы прибыли
Изъ бѣлокаменной Москвы.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Ко мнѣ?

СЛУГА.

Они мнѣ такъ сказами.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Что такое!

Ни какъ сообразить я не могу.

МАРѢА ИВАНОВНА.

Я также Миша.—Но должны мы ихъ
Принять конечно.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Проси войти...

(Слуга уходитъ.)

Послы ко мнѣ!.. Должно быть онъ ошибся,
Ослушался; тутъ чтонибудь не такъ.

Явленіе V.

Тѣ же и послы.

1-й ВЪБОРНЫЙ.

Великій Государь всей Руси!
Твои бояре, чашники, дворяне,
Купцы, приказные, торговый людъ,
Окольничіе, стольники и гости,
И православный весь народъ—
Тебѣ вельми, государь великій,
Челомъ ударить и отъ всѣхъ спросить
О многолѣтнемъ здравии твоёмъ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

(вѣсколько времени стоитъ
удивленный).

Что значить это?! Вы меня царемъ
И государемъ Руси всей назвали!

1-й ВЪБОРНЫЙ.

Великій государь! на царство избранъ
Ты всей московскою землей.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

(съ гнѣвомъ.)

Но кто-жъ

Вамъ право это далъ?.. я русский Царь!

2-й ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Неужли, государь, ты намъ отвяжешь
Принять вѣнецъ, тебѣ принадлежацій?
Отъ всей твоей Россіи молимъ мы
Собрать подъ крѣпкую свою десницу
Остатки христіанскаго народа.
Россія вся до тла раззорена,
Народъ погибъ отъ битвъ междуусобныхъ
Иль отъ ножа еритиковъ поляковъ;
А церкви и обители Святыя
Осквернены, поруганы всѣ ими;
Такъ неужель не сжалишься надъ нами,
Не внемлешь стонамъ и слезамъ Россіи,
И шапку Мономаха не надѣнешь?

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не соглашусь я ни за что!..
Уйдите, умоляю васъ отсель!
Во имя Господа я васъ прошу!

(Садится на скамью и
громко плачетъ).

1-й ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ (Марѣя Ива-
новна).

Тебя мы молимъ! заступись за насъ!
Благослови его принять вѣнецъ.

МАРѢЯ ИВАНОВНА.

Напрасно просите меня объ этомъ,
Благословенья я ему не дамъ.
Ужель вы думали, что я рѣшусь,
Его отдать на поруганье вамъ?..
Измалодушествовалися нынѣ
Вы всѣ, какъ есть, отъ мала до велика.—

Крестъ цаловать сегодня одному,
На завтра цаловать другому тоже—
Для васъ теперь не значить ничего.

2-й ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Повѣрь мы наказалися не мало
За всѣ грѣхи свои, за престушенья.

МАРҢА ИВАНОВНА.

При томъ какъ быть ему у васъ царемъ,
Когда отецъ его теперь томится
Въ плѣну у короля. Лишь только тотъ
Узнаеть, что на царство избранъ сынъ,
Велить надъ Филаретомъ учинить
Какое бѣ не было бы зло.

1-й ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Напрасно

Ты говоришь объ этомъ; мы давно
Послали къ Сигизмунду королю
Просить въ обмѣнъ за Филарета взять
Отъ насъ людей Литовскихъ самыхъ лучшихъ.

всѣ (становятся на колѣни).

Мы на колѣнахъ молимъ Царь великій
Надъ нами сжалиться. Неужли слезы
Тебя не трогаютъ твоихъ рабовъ?

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Зачѣмъ вамъ нуженъ непременно я?
Людей достойнѣ меня не мало
У васъ въ Россіи есть; такъ изберите
Изъ нихъ того, кто больше будетъ любъ.
Что-жь до меня касается, напрасно

Меня вы просите. Не соглашусь
Я ни за что принять вѣнецъ московскій.

1-й ИЗЪ ВЫБОРНЫХЪ.

Когда тебя не трогаютъ моленья
И слезы наши, знай, что ты отвѣтишь
Предъ Богомъ въ разореніи конечномъ
Отечества и родины своей.
(грозно).
О трепещи Всевышняго суда!

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

(взволнованно)
Скажи мнѣ матушка, что дѣлать мнѣ?

МАРѢ ИВАНОВНА.

(молится)
Тебѣ я мать Божья предаю
Свое дитя! Ты это мнѣ велишь!
Устрой его и сотвори, чтобъ онъ
Былъ своему отечеству полезенъ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

О Боже, ежли воля есть Твоя!
Да будетъ такъ! Вѣнецъ я принимаю!

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Комната въ домъ Бутурлина.

Явленіе I.

Люба больная сидитъ на скамьѣ опершись рукою о подоконникъ. Изрѣдка кашляетъ. Бутурлина стоитъ около нее.

БУТУРЛИНА.

Какъ чувствуешь теперъ себя ты, Люба?
Что легче ль сдѣлалось тебѣ?

ЛЮБА.

Все также!

Я не жилица ужъ на этомъ свѣтѣ.

БУТУРЛИНА.

Что! что! Господь съ тобой, дитя родное!
Зачѣмъ такъ говоришь! Дай окроплю
Богоявленскою тебя водою.
Охъ! охъ! Иванъ Матвѣичъ, что надѣлалъ
Своимъ ты сердцемъ злымъ. Ну, можно-ль такъ
Дитя свое родное мучить...

(Плачущей Любѣ).

Полно

Не плачь голубушка; будь веселѣ!
Не хочешь ли поѣсть иль выпить что?

Тамъ курникъ есть такой хорошій, сдобный,
Что просто такъ и съѣла-бъ весь его.

ЛЮБА.

Нѣтъ, ничего не хочется мнѣ что-то!
(показываетъ на грудь).
Какъ тяжело, какъ больно здѣсь! Скорѣе-бъ
Одинъ конецъ... Вѣдь умирать не страшно?

БУТУРЛИНА.

Нѣтъ страшно Любушка! Охъ, страшно какъ!
Лишь только я подумаю объ этомъ—сердце
Такъ и замретъ и кровь застынетъ вся.
При мнѣ, прошу, не говори о смерти.
(молчаніе).

ЛЮБА.

Мнѣ все постыло, все не мило въ свѣтѣ!
Я не смотрѣла-бъ просто ни на что.
(молчаніе).

Хоть облегчило-бъ малость мнѣ, тогда
Уѣхала-бы въ монастырь далекій;
Тамъ въ тишинѣ, слезахъ, постѣ, молитвѣ
Я скоротала-бъ вѣкъ дѣвичій свой.
А вѣкъ мой не великъ.—Вся грудь разбита
И слабость чувствую во всемъ я тѣлѣ.

БУТУРЛИНА.

За знахаркой, Любаша, не послать-ли?
Онѣ искусницы большія; знаютъ
Когда траву какую дать больному;
А нужно, такъ оближутъ языкомъ,
И, право, облегчаетъ тотчасъ.

А то не sprыснуть ли тебя водою
Пропущенною чрезъ древесный уголь
И четвергову соль?—Пользительно
Бываетъ это Люба.

ЛЮБА.

Нѣтъ, не нужно!
Ни что, мнѣ, матушка, ужъ не поможетъ...
Душа изныла вся и сердце сильно
Сжимается въ груди.

БУТУРЛИНА.

Охъ, охъ, спаси
Благослови Господь тебя, дитя родное!
Ужъ не испортилъ ли какой злодѣй
Тебя злымъ наущеньемъ? Все бываетъ.
А то и духъ нечистый иногда
Надъ нашу сестрою поглумится;
Разсыпится звѣздой падучей съ неба
И сладкимъ грезамъ мы тогда незольно
Весь день и ночь готовы предаваться...
(Люба кашляетъ).

Смотри какъ кашляешь ты сильно, Люба.

ЛЮБА.

(немного погодя говорить тихо).

Я съ просьбой, матушка, къ тебѣ...

БУТУРЛИНА.

Что! что!

Скорѣ говори!... Исполню все!

ЛЮБА.

Исполнишь?

БУТУРЛИНА.

Да, исполню! все исполню!

ЛЮБА.

Сама ты видишь, что недолго мнѣ
Осталось промаяться на свѣтѣ.
А умереть, не увидавъ его
Мнѣ будетъ тяжело... Пошли за нимъ.
Устроить можно такъ, что не увидитъ
Никто, какъ онъ войдетъ сюда.

БУТУРЛИНА (съ испугомъ).

Ахъ, что ты! что ты говоришь, Любаша!
Возможно-ль это! Страхъ подумать даже!
Ну ежели отецъ твой вдругъ узнаетъ?
Тогда совсѣмъ сживетъ меня онъ съ свѣта.

ЛЮБА.

Охъ, матушка, не хочешь ты исполнить
Последнюю въ сей жизни мою просьбу.
(Плачетъ навзрыдь).

БУТУРЛИНА.

Не плачь дитя! не плачь! изволь исполню...
Побьетъ меня Иванъ Матвѣичъ;—что же!
Не впервые вѣдь... Рученька его
Давно ужъ мнѣ знакома... Не легка!
Не плачь! утѣшься... Охъ, какой онъ право!
Не хотеть вспомнить молодость свою.
Вѣдь мы, Любаша, что грѣха таить,
До свадьбы часто виделись съ нимъ.
Бывало лѣтомъ, какъ наступитъ ночь,
Онъ перелезетъ чрезъ заборъ къ намъ въ садъ,
А тамъ по лѣстницѣ, черезъ окно,—
И въ теремъ мой тихонько проберется.

ЛЮБА (съ любопытствомъ).

Такъ вотъ акъ матушка!.. Ну, что-же дальше?
Что дѣлали съ отцомъ вы въ терему?

БУТУРЛИНА.

Всего тамъ было! Вѣдь тогда я, Люба,
Была такая-жъ, какъ и ты теперь;
Да и отецъ-то твой красавицъ былъ.
Младая кровь кипѣла въ насъ обоихъ...
И что таить!—грѣха не мало было...
А вѣдь попробуй-ка ему припомнить
Теперь объ этомъ,—даромъ не пройдетъ.

(смотреть въ окно).

А вотъ и онъ!.. Ступай отсель скорѣе.
Тебя, изъ комнаты твоей, велѣлъ
Онъ выпускать лишь только безъ себя.

(Люба уходитъ).

Явленіе II.

Бутурлина и Бутурлинъ

БУТУРЛИНА.

Гдѣ побывалъ?

БУТУРЛИНЪ.

По улицамъ прошелся.
Народъ ждетъ съ нетерпѣніемъ гонца
Изъ Костромы. Пора-бъ ему и быть.
Сей часъ придутъ къ намъ гости; прикажи
Тамъ приготовить все; вина побольше.

БУТУРЛИНА.

Не безпокойся; будетъ все въ порядкѣ.

(Бутурлинъ снимаетъ шапечку,
потомъ садится на скамью).

БУТУРЛИНЪ.

Чего ты ждешь?—Пошла-бы поскорѣе
И всѣмъ распорядилась.

БУТУРЛИНА (робко)

Я хотѣла
Съ тобой поговорить, Иванъ Матвѣичъ.

БУТУРЛИНЪ.

Ну, что тамъ! говори живѣе!

БУТУРЛИНА.

Видишь,
Я все о Любушкѣ.... Она бѣдняжка....

БУТУРЛИНЪ (гнѣвно).

За старое опять!... Смотри Матрена!
Меня ты знаешь! А-ль уже забыла!
Вѣдь подожекъ-то здѣсь, сей часъ напомню....

БУТУРЛИНА.

Я милостей твоихъ не забывала;
Но и ее мнѣ жаль:—вѣдь дочь родная!
На ладонъ дышетъ.... Сжался ты надъ ней!

БУТУРЛИНЪ (встаетъ со скамьи).

Сказалъ молчать! Ну, слышишь, вонъ отсюда!
(Бутурлина поспѣшно уходитъ.)
Бутурлинъ садится на скамью)

Явленіе III.

Бутурлинъ, Пожарскій, Мининъ. Шереметевъ и другіе.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Вотъ мы ужъ и пришли!

БУТУРЛИНЪ.

Спасибо вамъ!

Прошу садитя; и винца сейчасъ

По чаркѣ выпьемъ.

ПОЖАРСКІЙ

Самая пора. (подають вино. Бутур-
линъ всѣмъ наливаетъ).

БУТУРЛИНЪ.

Кажись теперъ въ Москвѣ потише стало;

Разбоевъ не слышать.

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ну, не совсѣмъ.

Вчера двоихъ поймали; ровню въ полдень

Накинулись съ ножами на купца.

Сегодня на допросѣ показали,

Что голодъ ихъ къ тому принудилъ.

БУТУРЛИНЪ.

Что же,

Повѣрить можно. Заработать негдѣ.

А даромъ хлѣба не даетъ ни кто.

Вотъ какъ настанетъ время, что Москва

Начнетъ обстраиваться, ну, тогда

И заработакъ будетъ. А теперъ

Иной бы радъ былъ домъ поправить свой,
Да обстоятельства не дозволяютъ;
Безъ денегъ всѣ.

ПОЖАРСКІЙ.

Да если бы и были
Такъ ничего, бояринъ не подѣлашь.
Ни лѣсу, ни другихъ матеріаловъ
На рынкѣ нѣтъ; поляки все сожгли.

ВУТУРЛИНЪ.

А правда, что которые изъ нихъ
Достались Трубецкому, — казаки
Ограбили ихъ всѣхъ и перебили?

ЩЕРЕМЕТЕВЪ.

Какъ есть! поляковъ плѣнныхъ раздѣлили (показываеъ на Пожарскаго)
Они между собой. Вотъ у него
Не тронули ни одного.

ПОЖАРСКІЙ.

Я строго
Велѣлъ своимъ не обижать ихъ. Жаль!
Они и безъ того ужъ пострадали.

ВУТУРЛИНЪ.

Хорошимъ-бы царемъ былъ Трубецкой;
Онъ не задумался-бъ насъ всѣхъ повѣсить.

МИНИНЪ.

А что въ исправду, нѣтъ до сей поры
Намъ ни какихъ вѣстей изъ Костромы?
Ужель Царя тамъ не наши?

БУТУРЛИНЪ.

Не можетъ быть; навѣрно тамъ живеть,
Иль въ отчинѣ своей. Найти-найдутъ!
А вотъ меня, что страшно беспокоитъ:
Ну вдругъ откажется! что будемъ дѣлать?
Кого тогда мы изберемъ въ Цари?
Не Трубецкаго-жъ князя наконецъ!...

ПОЖАРСКІЙ

Конечно грустно!... Знаете-ль бояре:
О Михаилѣ Оедрычѣ давно (показываетъ на Минина
Уже мы мыслили; но намъ хотѣлось
Узнать кого народъ избрать желаетъ.
Да, больше всѣхъ бояръ Московскихъ
Имѣетъ правъ онъ на престолъ Царей.
При томъ его я знаю съ малолѣтства;
Онъ тихій, добрый, ласковый такой,
Что въ управленіи его навѣрно,
Народъ забудетъ всѣ страданья скоро. (на улицѣ
шумъ).

БУТУРЛИНЪ (смотреть въ окно).

Народъ бѣжитъ со всѣхъ сторонъ! кричить!
Но только эти крики не похожи
На возмущеніе или на страхъ какой.
У всѣхъ на лицахъ радость разлита;
Бьдають шапки въ верхъ, платками машутъ
И обнимаются, какъ въ день Христа!

Явленію IV.

Тѣ же и Усовъ.

ВСѢ.

Гонецъ изъ Костромы! скажи скорѣй!
Согласенъ быть Царемъ онъ?

УСОВЪ.

Да, согласенъ!

БУТУРЛИНЪ (кричать).

Вина живѣе! бочки прикатите!

Мы будемъ пить, пѣть пѣсни, веселиться!

Дай мнѣ обнягъ тебя, о вѣстникъ счастья?

(цалуетъ Усова)

Садись и расскажи намъ все подробно.

Какъ вы пріѣхали, какъ принялъ онъ,

Когда къ нему явились вы съ поклономъ.

УСОВЪ.

Осlobони отъ этого бояринъ;

Въ другой ужъ разъ я расскажу подробно.

Во всѣхъ поселкахъ, деревняхъ и семахъ

Чуть не насильемъ заставлялъ народъ

Ему подробно объяснять все дѣло,

Такъ что языкъ мой вовсе заболтался.

Въ Москвѣ здѣсь также каждому хотѣлось

Услышать отъ меня; но я бѣжалъ,

Чтобъ поскорѣй обрадовать всѣхъ васъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Но хоть скажи онъ скоро согласился?

УСОВЪ.

Ну нѣтъ; заставилъ долго насъ просить.

Ему какъ видно сильно не хотѣлось.

Сперва на насъ онъ крикнулъ, а потомъ

Заплакалъ горько. Кинулись тогда

Предъ нимъ мы на колѣни, но, все тщетно!

И мать не соглашалася ни какъ.

Одно ужъ оставалось—погрозили,

Что онъ одинъ отвѣтитъ передъ Богомъ.

Въ конечномъ раззорѣніи Россіи.
Ну, тутъ ужъ онъ не удержался болѣй,
Призвалъ Всевышняго себѣ на помощь
И далъ согласье быть Царемъ московскимъ.

ВУТУРЛИНЪ.

Такъ выпьемте-жъ скорѣе по стопѣ
За здравіе младаго государя.

ВСѢ (пьютъ и кричатъ).

За здравіе младаго государя!

УСОВЪ.

Велѣлъ онъ приготовить для себя
Палаты змлотыя, гдѣ жила
Прина, а для матери своей—
Жены Василья Шуйскаго хоромы.

ВУТУРЛИНЪ.

Трудненько это; денегъ нѣтъ въ казнѣ,
А также нѣтъ и лѣсу строеваго.
Да впрочемъ мы потолковать успѣемъ
Объ этомъ дѣлѣ. Можетъ и поладимъ.
Теперь же выпьемте еще по чарѣ
За здравіе Царя.

УСОВЪ.

А что-жъ бояре,
За здравіе Царя мы пьемъ, а тотъ,
Кто былъ виновникомъ его избранья
Межъ нами не находится теперь.

ВСѢ.

Да кто же это?

УСОВЪ.

Вы уже забыли!
Изъ Галичскихъ дворянъ онъ, Петръ Андреичъ.

ВСЪ (исключая Бутурлина).

Конечно такъ! онъ заявленье подалъ
Одинъ изъ первыхъ. Нужно будетъ тотчасъ
За нимъ послать.

УСОВЪ (Бутурлину).

Что-жъ ты молчишь, бояринъ?
Пошли за нимъ!—Мы гости, ты хозяинъ.

БУТУРЛИНЪ (послѣ долгаго молчанія).

Пускай придетъ!

МИНИНЪ.

Да гдѣ-жъ его найти!

УСОВЪ.

Его я видѣлъ здѣсь вотъ—недалѣко.
Онъ разговаривалъ въ толпѣ съ народомъ.
Я самъ схожу за нимъ. (уходитъ)

ПЕРЕМЕТЕВЪ.

А мы пока

Еще пройдемся по стопѣ медку. (Всѣ пьютъ исклю-
чая Бутурлина).

ПОЖАРСКІЙ (Бутурлину).

А что-же ты не пьешь! иль охмѣлѣлъ?
Былъ веселъ; радовался вмѣстѣ съ нами,
И вдругъ замолкъ, какъ будто черна мысль,
Въ твоей главѣ, мгновенно пробѣжала.

Явленіе V.

Тѣ-же и Усовъ съ Петромъ Андреевичемъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Вотъ и они! Ну Петръ Андреичъ выпьемъ
За здравіе царя! Вѣдь первый ты,
На выборахъ, намъ указалъ его.

БУТУРЛИНЪ (подходить къ Петру
Андреевичу).

Въ послѣдній разъ повздорили съ тобой
Мы, Петръ Андреичъ; но теперь хочу
Я помириться.—Обними меня. (цѣлуются).
Тебя должна вся Русь благодарить
За то, что для нее теперь ты сдѣлалъ.
Съ своей же стороны позволь
Мнѣ Любу въ жены предложить тебѣ.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (восторженно).

Бояринъ! Богъ тебя благословить
За то, что дѣлаешь ты для меня.
Безъ дочери твоей мнѣ жизнь не въ жизнь...
Тоска все сердце изсушила мнѣ.

БУТУРЛИНЪ (кричить).

Позвать сюда боярыню и Любу.

Явленіе VI.

Тѣ-же и Бутурлина съ Любой (Люба при видѣ Петра
Андреевича вскрикиваетъ).

БУТУРЛИНЪ (Любѣ).

Что испугалась! подойди поближе.
(Люба подходитъ).

Онъ нравится тебѣ? да говори-же!
Молчить! да впрочемъ что-жъ такое!
Я ей отецъ; могу и приказать...
Его въ мужа тебѣ я выбралъ. Слышишь!
Прошу любить и жаловать на вѣки.
(Люба выдается оглу на шею).
Ну, полно, перестань! Господь съ тобой!

ЛЮБА (тихо).

Отецъ! прости и Марѳу!

БУТУРЛИНЪ

Хорошо.

Велю сейчасъ-же выгнать ее.

БУТУРЛИНА.

Позволь и мнѣ, Иванъ Матвѣичъ, также
Обнять тебя.

БУТУРЛИНЪ.

Туда же старая баба

Обняться хочетъ, цаловаться.

БУТУРЛИНА.

Что-же,

Я думаю на радостяхъ-то можно.

БУТУРЛИНЪ.

Ну, такъ и быть! (цѣлуются).

УСОВЪ.

Бояринъ, значить нужно

Теперь намъ выпить за здорье ихъ?

БУТУРЛИНЪ.

Конечно вышить.

УСОВЪ.

Счастія желаемъ!

И вѣкъ прожить въ миру и во похмѣльи.

ШЕРЕТЕВЪ.

Ну, пожелалъ! завидно проживуть. (пьютъ).

БУТУРЛИНЪ.

Пока еще обѣдать не готово,
Пойдемте всѣ къ народу—посмотрѣть,
Какъ онъ ликуеть, что есть Царь теперь.

УСОВЪ. (Петру Андреевичу).

Ну что, неправду я тогда сказалъ,
Что цѣли ты своей достигнешь скоро.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ (Люба).

Ему обязаны мы одному
За наше счастье Люба.

УСОВЪ.

Перестань!

Такъ на роду написано вамъ было. (съ Батурли-
нымъ уходить всѣ гости).

Явленіе VII.

Петръ Андреевичъ, Бутурлина и Люба.

БУТУРЛИНА.

Ну поцалуйте вы теперь меня.
Отъ радости совсѣмъ я растерялась!
(цѣлуетъ обонхъ).
Что Любушка, теперь и умирать
Я, чай, не хочешь? Правда что-ли?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Какъ, развѣ собиралась?

ВУТУРЛИНА.

Да, совсѣмъ!

Просила даже за тобой послать;
Проститься, видишь, захотѣла.

ЛЮБА.

Что-же,

Когда-бъ не отдали бы за него,
Быть можетъ умерла бы скоро.

(кашляетъ).

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Сильнѣй еще ты стала кашлять, Люба.

ЛЮБА (хватается за грудь).

Ахъ, больно здѣсь какъ! Охъ, какъ больно, Петя!...
Но ты не бойся! Я теперь поправлюсь.
Я жить хочу! ты слышишь: жить хочу!

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Живи моя подруга дорогая!

(обнимаетъ ее).

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Царскія палаты. По временамъ слышеть колокольный
звонъ и радостные крики.

Явленіе I.

Усовъ и стольникъ.

УСОВЪ.

Смотри сегодня, какъ Москва ликуетъ;
Давно она не ликовала такъ.

Законный Царь вѣнчается на царство
И весь народъ отъ счастья, то плачетъ,
То радости великой предается.

Смотри опять какъ дружно онъ кричить,
Какъ будто изъ одной великой груди
Крикъ этотъ оглашаетъ всю Москву.

СТОЛЬНИКЪ.

Въ народѣ говорятъ, что самъ Господь
Его предъ избралъ и на тронъ помазалъ
Еще въ утробѣ матери его.
При томъ, что Годуновъ Борисъ узналъ
Поволхованію о громкой славѣ,
Которая въ грядущемъ предстоитъ
Романовскому дому, и на царство
Уже онъ свыше назначенъ былъ.
Вотъ почему Борисъ и ненавидилъ
Весь этотъ родъ и гналъ его всегда.

УСОВЪ.
Однакожь мы могли-бъ Царя лишиться,
Когда-бъ не спасъ Всевышній намъ его.

СТОЛЬНИКЪ.

Дѣйствительно, поляки черти раньше,
Пронюхали, что избранъ онъ на царство
Чѣмъ земскіе прибыть къ нему успѣли.

УСОВЪ.

И Михаилъ-то Ѳеодорычъ объ этомъ
Не зналъ почти до самой той поры,
Какъ выѣзжать ему изъ Костромы.
Тутъ только все открылось; вѣдь поляки
По выѣздѣ изъ Домина Царя
Туда нагрянули и рассказали,
За что они Сусанина убили.
Тотъ также зналъ, что Михаилъ Ѳеодорычъ
На царство избранъ всей землею былъ.

СТОЛЬНИКЪ.

Да, видно по всему, что самъ Господь
Его предѣ избралъ на московскій тронъ.

Явленіе II.

Тѣ же и Петръ Андреевичъ.

УСОВЪ.

Что скоро кончится коронованье?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Ужь кончилось; Царь говоритъ къ народу.

УСОВЪ.

Ну что, зазнобушка твоя здорова?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Поправилась и кашлять перестала.

УСОВЪ.

За свадьбу значить скоро?

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Скоро другъ!

На той недѣли милости къ намъ просимъ
Винца испить и медомъ похмѣлится.

СТОЛЬНИЕЪ.

Великій Царь идетъ!

Явленіе III.

Входятъ сперва бояре и становятся вдоль стѣвъ
потомъ появляется и Михайло Ѳедоровичъ въ пол-
номъ царскомъ облаченіи. Онъ садится на тронъ,
а бояре на скамьи.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Сегодня насъ
Господь привелъ вѣнецъ царей Московскихъ
Законно на себя взложить. — Бояре!
Въ такой торжественный день для народа
Должны-бъ ему мы были льготы дать.
Такъ дѣлали цари издавна наши.
Но къ нашему несчастью мы не можемъ
Желанія исполнить своего.
Въ казніи не только денегъ нѣтъ такихъ,
Которыя могли-бъ раздать народу,

Но не имѣли способа мы даже
Хоромы наши переправить вновь.
Что дѣлать, подождемъ!— Настанетъ время
И мы ему сторицей воздадимъ.
Теперь же нужно крѣпко намъ подумать
О ратныхъ людяхъ; жертвуя собой
Во имя родины; они терпѣли
Не только нужды, страсти, но лишились
Всего имѣнья даже своего.
Но какъ помочь имъ, право я не знаю!

БУТУРЛИНЪ.

Позволь мнѣ, Государь, тебѣ сказать,
Какъ мысляю я объ этомъ важномъ дѣлѣ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Что-жь, говори! всегда мы будемъ рады,
Бояринъ, слушать мнѣнія твои.

БУТУРЛИНЪ.

Москва конечно вся раззорена,
Дома разграблены и сожжены,
Народъ такую страшну терпитъ нужду,
Что съ голоду едва не помираетъ.
Но, не смотря однако-же на это,
У нѣкоторыхъ насъ, бояръ, осталось
Имѣнье кой какое; имъ готовы
Тебѣ пожертвовать мы въ нуждѣ Царь.

ГОЛОСА.

Конечно всѣ пожертвовать готовы!

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Благодарю я васъ отъ всей души, бояре!
Своею преданностью и любовью

Къ отечеству, царямъ — извѣстны были
Издремъ вы Европѣ даже всей.

ВУТУРЛИНЪ.

Я мыслю также, что когда возванье
О помощи тебѣ мы разошлемъ
Во всѣ концы Россіи, то найдется
Не мало преданнаго тамъ тебѣ,
Великій Государь народа. Также
Объ этомъ мы отпишемъ и въ Сибирь.
Я убѣжденъ, что Строгановы намъ
Всегда готовы помощь оказать.
Они богаты солью, хлѣбомъ, рыбой,
И всякими товарами иными,
Въ которыхъ такъ нуждается теперь
Весь ратный людъ.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Безъ всякаго сомнѣнья
Они теперь намъ не откажутъ въ этомъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Твоимъ, Иванъ Матвѣичъ, мы совѣтомъ
Воспользоваться поспѣшимъ. Теперь же
Обязаны воздать мы благодарность
И по возможности вознаградить
Винниковъ спасенія Россіи....
Пожарскій князь и Мининъ-Сухорукій!
(тѣ встають).

Винники спасенья—это вы!
Вы первые Россію пробудили
Отъ сна глубокаго, въ какомъ она
Ужъ сколько лѣтъ доселѣ находилась.
Вы первые сказали ей—«возстань!»

Пожертвуй всё — имуществомъ, дѣтьми
И на спасеніе себя вооружись!»
Тебя Пожарскій жалуемъ въ бояре,
А Минину дворянство мы даримъ.

ПОЖАРСКІЙ.

Благодарю, великій Государь!

МИНИНЪ.

По истинѣ сказать не мыслилъ я
Такой великой милости дожждаться.
(Оба подходятъ къ рукамъ Михаила Ѳе.
доровича). —

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ.

Когда ты, Господине, наградишь
Пожарскаго и Минина за то,
Что отъ поляковъ Русь они спаси,
Мы молимъ также наградить и тѣхъ,
Которые въ своей семьѣ имѣли,
Того, кто спасъ Царя отъ смерти намъ.

ВСѢ.

Да, да, мы молимъ всё тебя объ этомъ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Охотно я исполню просьбу вашу.

ВУТУРЛИНЪ.

Изъ Костромы, мы выписали Государь
Сусанина единственную дочь,
А съ нею вмѣстѣ и ея супруга,
Сабинина Богдана. Ужь дозволю
Сейчасъ же имъ предстать передъ тобой!

*

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я радъ ихъ видить.

Явленіе IV.

Тя же и Сабининъ съ женой.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Здравствуйте друзья!

Меня бояре просать, что-бы я
Въ знакъ благодарной памяти къ тому,
Кто спасъ мнѣ жизнь—наградилъ бы васъ.
Дарую вамъ и вашему потомству
Свободу вѣчную и часть земли
Къ селенью Деревницы прилегающей.

(Сабининъ съ женою кидаются царю
въ ноги).

САБИНИНЪ.

О батюшка, кормилецъ нашъ, не знаемъ,
Какъ намъ тебя благодарить за милость!..

Явленіе V.

Тя же и Стольникъ.

СТОЛЬНИКЪ (последшно входитъ).

Велику новость сообщить пришелъ
Тебѣ я, Господине.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Что такое!

СТОЛЬНИКЪ

Сю минуту привезли въ Москву
Заруцкаго, его жену Марину,
А также Дмитрія, ея сынишка.

(общее изумленіе).

ГОЛОСА.

Не можетъ быть! Воистину ли такъ?

СТОЛЬНИКЪ.

Поймали ихъ; какъ слышно, на Яикѣ,
Куда они спастись побѣжали
Изъ Астраханскихъ степь привольныхъ.

МСТИСЛАВСКІЙ

Царь,

Вели ихъ тотчасъ всѣхъ вести сюда.
Дай въ волю намъ полюбоваться ими.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я вм стѣ съ вами самъ готовъ, бояре,
Красавицу Марину Мнишекъ видѣть.
Введите ихъ.

(Стольникъ уходитъ)

Явленіе VI.

Тѣ же и Заруцкій, Марина и ея сынъ. (Всѣ въ цѣпяхъ).
При входѣ ихъ дѣлается тишина и бояре на нихъ смотрять съ любопытствомъ.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Такъ вотъ она какая! (Маринѣ).
Предъ мной дѣйствительно Марина Мнишекъ?

МАРИНА.

Была когда-то ею, но давно
Я это имя не ношу бояринъ.

РОМАНОВЪ.

Забыла ты съ кѣмъ говоришь, Марина!
Онъ Царь! а не бояринъ.

МАРИНА.

Царь! какой?
Царица я! а вотъ наследникъ мой!
(показываетъ на сына. Общее негодованіе).

МСТИСЛАВСКІЙ

Молчи, царица—самозванка!

МАРИНА.

Лжешь!

Не самозванка я! забыли вы,
Что здѣсь я коронована была
Съ царевичемъ Димитріемъ на царство!
Вы цаловали крестъ ему бояре,
И въ вѣрности клялися намъ обоимъ.
Неужли вы успѣли ужъ забыть
Свои всѣ клятвы и избрать инаго
Себѣ царя! не вѣрится мнѣ что-то!
Димитрій былъ законный царь Россіи!
А я—царица ваша!

ВСѢ.

Лжешь Марина!

Онъ бѣглый былъ монахъ, Отрепьевъ—Гришка!
За дерзскій и безумный свой обманъ
Убить онъ былъ народомъ.

МАРИНА.

Нѣтъ, не правда!
Онъ чудомъ спасся, также какъ и прежде
Онъ спасся въ Угличѣ еще младенцемъ.

ШЕРЕМЕТЕЕВЪ.

Такъ гдѣ же онъ? Онъ значить живъ еще!

МАРИНА.

Нѣтъ, умѣрь! (показываетъ на сына).
Вотъ его прямой наследникъ!

Онъ сынъ его!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Опять ты лжешь, Марина!
Онъ сынъ не Гришки, бѣглеца монаха,
А Тушинскаго вора... Этотъ также
Кажись твой новый мужъ и царь московскій?
(Марина молча опускаетъ голову).

МИХАИЛЬ ѲЕОДОРОВИЧЪ (Заруцкому).

Кто ты такой?

ЗАРУЦКІЙ.

Скажу тебѣ всю правду:
Я родомъ изъ Галиція—русинъ: —
Иванъ Заруцкій, а потомъ я былъ
Казачимъ атаманомъ.

МИХАИЛЬ ѲЕОДОРОВИЧЪ.

Такъ зачѣмъ-же
Себя царемъ московскимъ выдавалъ?

ЗАРУЦЕИ.

Зачѣмъ?—Затѣмъ, что быть я имъ хотѣлъ.
Когда какой нибудь Отрепьевъ Гришка
Иль жидъ, могли назвать себя царями,
Такъ отчего же я, Иванъ Заруцкій,
Не могъ имъ также быть... Теперь стою
Я предъ тобой окованный въ цѣпяхъ;
А улыбнись немного счастье мнѣ:
Сидѣлъ-бы я на этомъ самомъ тронѣ
И ты-бъ мнѣ въ ноги кланялся тогда.

МСТИСЛАВСКІЙ.

Довольно слушать, Царь, ихъ болтовню.
Произнеси скорѣи надъ ними
Свой приговоръ.

МИХАИЛЬ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Я вамъ предоставляю
Его теперь же произнести, бояре.

РОМАНОВЪ.

Я мыслю, что казнить позорной смертью
Ихъ нужно всѣхъ троихъ.

ГОЛОСА.

Конечно такъ!

МАРИНА.

Казнить меня!... Меня—царицу вашу!..
Бывало-ли когда нибудь на Руси,
Что-бъ смѣли вы своихъ царей казнить?

БУТУРЛИНЪ.

Бывало-ль, нѣтъ-ли, не твое тутъ дѣло.

Приговоримъ на казнь — и будешь казнена!

МИХАИЛЪ ЕВДОРОВИЧЪ

Я васъ прошу свой приговоръ ослабить.

Я крови не желаю.

МСТИСЛАВСКИИ

Государь!

Ты отдашь ихъ на судъ нашъ, такъ дозволю
Намъ произнести его.

ГОЛОСА.

Они должны

Быть казнены.

МИХАИЛЪ ЕВДОРОВИЧЪ.

Хоть пощадите сына!

Ребенокъ онъ! Невиненъ онъ ни въ чемъ.

ЩЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ, Государь, мы этого щенка
Не пощадимъ ужъ ни за что... Маринѣ, царь!
Коли тебѣ угодно это будетъ,
Мы жизнь дадимъ. Она хоть и была
Женой Акедмитрія царя, но все-же
Не должно намъ забывать и то,
Что коронована была она. И
Ее въ тюрьму на вѣчно заточить;
А что-жъ касается ея щенка,
Онъ не отъ Гришки родился у ней,
А отъ разбойника жида. Такъ значитъ
Его мы задушить имѣемъ право.
Произнеси-же, Государь, надъ ними
Свой приговоръ. Они того достойны!

МАРИНА (въ отчаяніи обнимаетъ сына).

Казнить его! его!. О Боже мой!

Неужли это можетъ совершиться...

Нѣтъ, нѣтъ! спасу тебя во что-бъ не стало...

Царица! падай на колѣни...

(становится на колѣни)

Молю тебя великій Государь!

Казни меня, но сына пощади.

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

(послѣ долгаго
молчанія).

Свой приговоръ я отложу на время,

Сегодня день великій для меня,

Его не запятнаю кровью я.

Въ тюрьму ихъ тотчасъ уведите всѣхъ.

(Заруцкаго, Марину и ея сына уводятъ)

МИХАИЛЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

(въ сторону)

Я не рѣшился произнести сей часть-же

Смертельный приговоръ! О Боже мой!

Я чувствовалъ, какъ кровь во мнѣ вся стынетъ!!

Я Царь! и въ то-же время—я каратель!

Кто далъ мнѣ это право! Люди! Богъ!...

О трудно быть Царемъ самодержавнымъ!

(немного погодя).

Однакожь слабости своей не долженъ

Я ииъ показывать... Я Царь! (громко) Бояре!

Пора ужъ вамъ предаться и веселью;

Вино и медъ васъ ждуть уже давно;

А также пѣсенники со шутами...

Пойдемте-жъ къ нимъ и будемъ веселиться!

(Михаилъ Федоровичъ встаетъ съ преселъ и идетъ.

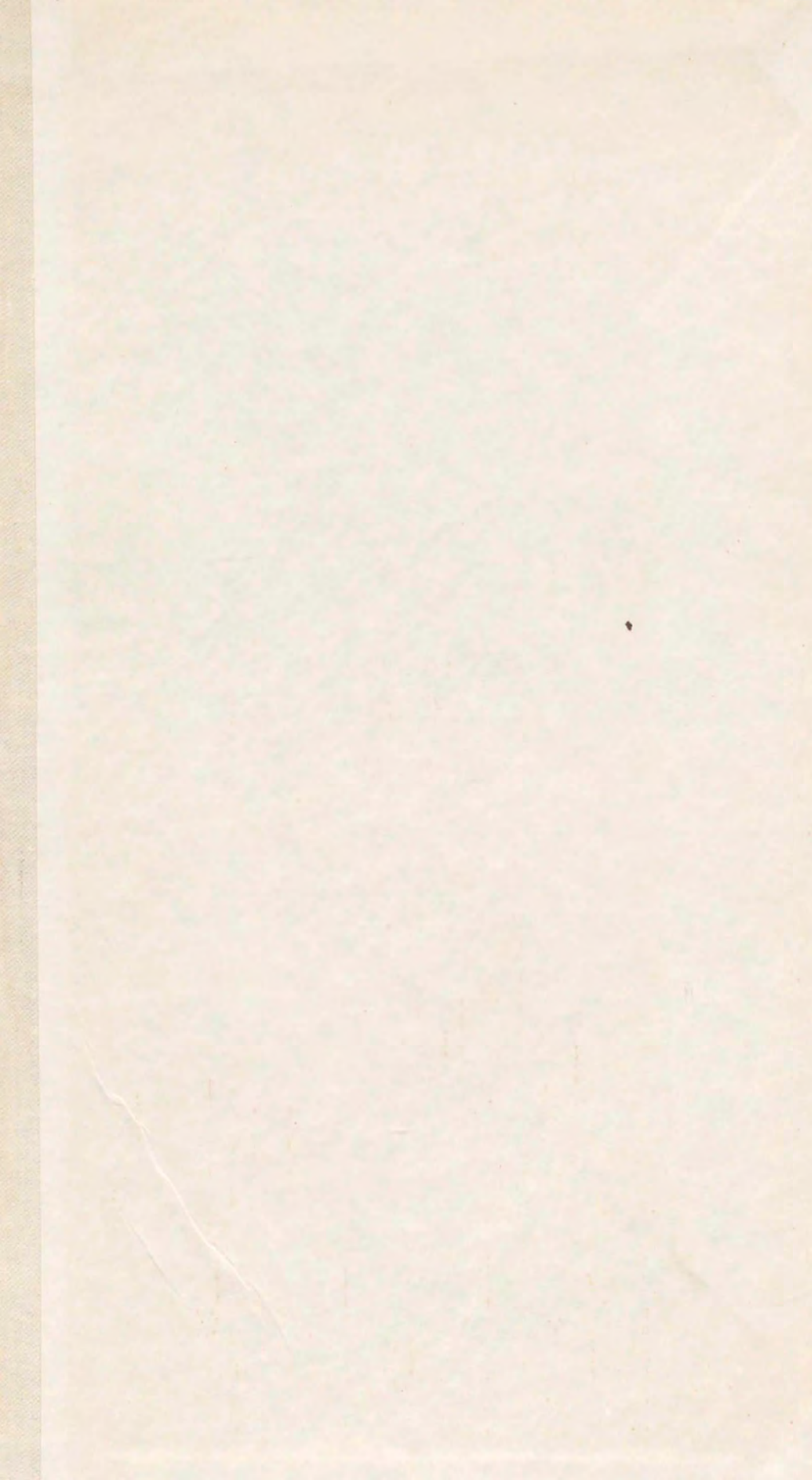
Бояре слѣдуютъ за нимъ).

64

1871

2010514776